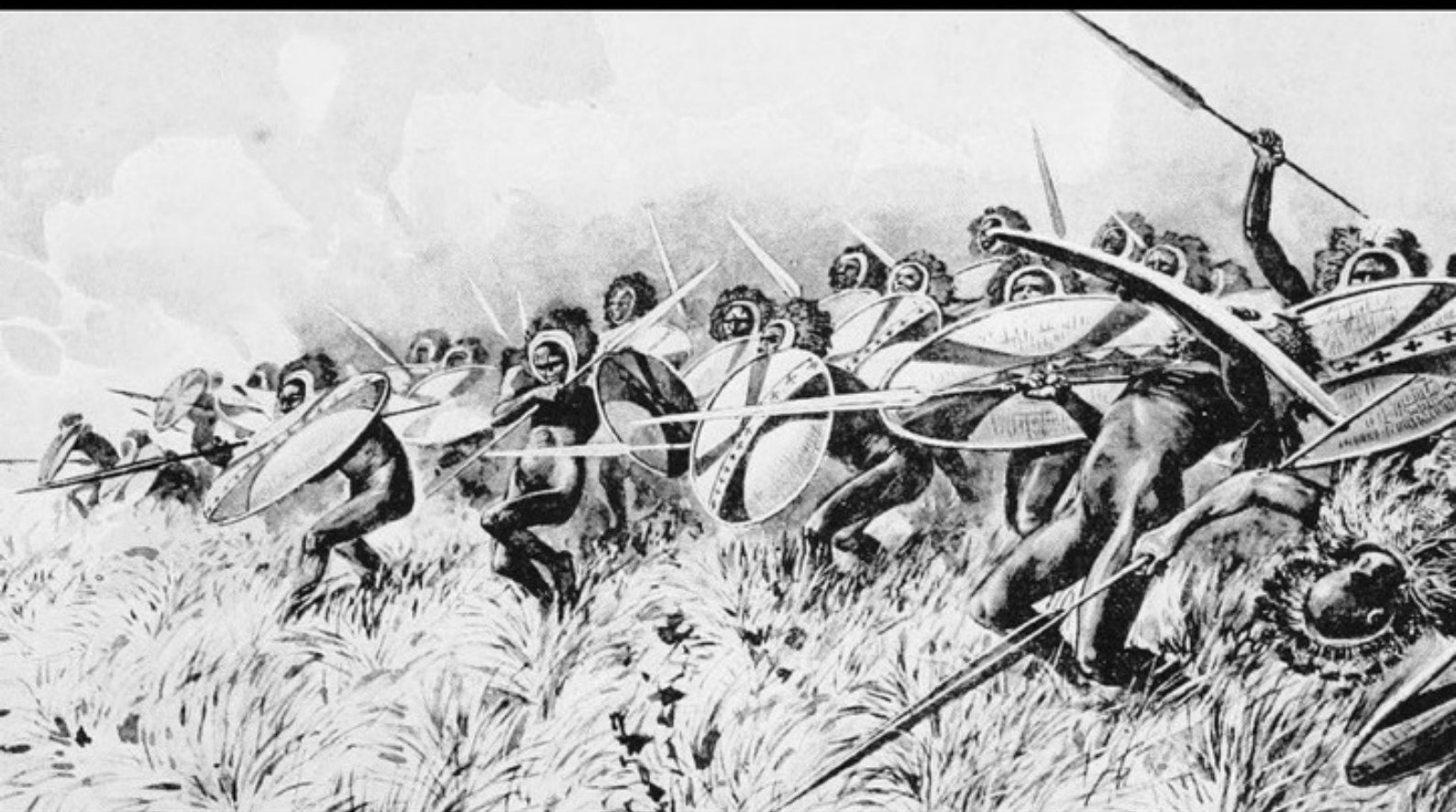

Карл Петерс

**ОПЕРАЦИЯ
«ЭМИН-ПАША».
ТОМ I**

Германский конкистадор
в Восточной Африке

Карл Петерс

**Операция «Эмин-паша». Том I.
Германский конкистадор
в Восточной Африке**

«Издательские решения»

Петерс К.

Операция «Эмин-паша». Том I. Германский конкистадор
в Восточной Африке / К. Петерс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907859-9

Подробное описание полной опасностей и приключений авантюрной германской экспедиции, объявленной правительством Британии «пиратским рейдом». Жестоко подавляя всякое сопротивление со стороны африканских племен, автор ни минуты не сомневался в оправданности своих методов «распространения цивилизации».

ISBN 978-5-44-907859-9

© Петерс К.
© Издательские решения

Содержание

ОПЕРАЦИЯ «ЭМИН-ПАША»	7
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	8
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	10
ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ	11
ГЛАВА I. В ГЕРМАНИИ	12
ГЛАВА II. В ЗАНЗИБАРЕ И В БЛОКИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ	16
ГЛАВА III. В СУЛТАНАТЕ ВИТУ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Операция «Эмин-паша». Том I Германский конкистадор в Восточной Африке

Карл Петерс

Переводчик Анатолий Смирнов

© Карл Петерс, 2018

ISBN 978-5-4490-7859-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

NEW LIGHT ON DARK AFRICA:

BEING THE NARRATIVE OF

The German Emin Pasha Expedition,

*ITS JOURNEYINGS AND ADVENTURES AMONG THE NATIVE TRIBES
OF EASTERN EQUATORIAL AFRICA, THE GALLAS, MASSAIS,
WASUKUMA, ETC., ETC., ON THE LAKE BARINGO
AND THE VICTORIA NYANZA.*

RELATED BY

DR. CARL PETERS,

THE COMMANDER OF THE EXPEDITION.

TRANSLATED FROM THE GERMAN BY

H. W. DULCKEN, PH.D.

WITH THIRTY-TWO PAGE ENGRAVINGS AND SIXTY-FIVE OTHER ILLUSTRATIONS FROM DESIGNS BY
RUDOLF HELLGREWE, AND A LARGE EXPLANATORY COLOURED MAP, REPRESENTING
THE PROGRESS OF THE EXPEDITION FROM DAY TO DAY.

WARD, LOCK, AND Co.,
LONDON, NEW YORK, AND MELBOURNE.

1891.

[All Rights Reserved.]

5

ОПЕРАЦИЯ «ЭМИН-ПАША»
Том I
Германская империя в Восточной Африке

Подробный дневник авантюрной германской военной экспедиции в Кению и Уганду, написанный ее руководителем.

Перевод Анатолия Смирнова

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Уважаемый читатель!

Перед Вами первый том книги германского пионера колонизации Африки Карла Петерса (1856—1918), доктора философии, который больше проявил себя не в научной сфере, а в качестве военного руководителя захватнических рейдов на африканских территориях, еще не вошедших в Британскую колониальную империю.

В 1888 году он, под надуманным предлогом, организовал экспедицию от восточного побережья Африки в Уганду. Поводом послужила блокада восставшими суданцами так называемой Экваториальной провинции, в то время принадлежавшей проанглийским правителям Египта. Губернатором этой территории был Эмин-паша (в прошлом Эдуард Шницер, немец, принявший ислам и перешедший на службу Османской империи). Будучи отрезанным от внешнего мира, но не подвергаясь атакам своих восставших единоверцев, Эмин-паша обратился за помощью к Великобритании. На выручку заблокированного Эмин-паши в 1887 году от устья реки Конго на, деньги египетского правительства, отправился знаменитый путешественник Генри Мортон Стэнли во главе многочисленной и хорошо вооруженной экспедиции. В начале декабря 1889 года Стэнли соединился с отрядом Эмин-паши на берегу озера Альберт, а через месяц экспедиция благополучно вышла к восточному побережью Африки в районе Багамойо.

За помощью к Германии Эмин-паша не обращался, но это не смущало Карла Петерса, и он организовал во Втором рейхе шумную кампанию по спасению «соотечественника». Истинной целью экспедиции было расширение германского влияния на территории Уганды и египетской Экваториальной провинции. Германское правительство во главе с канцлером Бисмарком устранилось от поддержки этой авантюры. Не имея официальной санкции германских властей на реализацию похода во внутренние районы Африки, Петерс, тем не менее, добился поддержки частных инвесторов и высадился на восточное побережье нынешней Кении, встретив упорное сопротивление британских колониальных властей, которые квалифицировали экспедицию, как «пиратское вторжение».

Прорывая британскую блокаду побережья, Петерс потерял половину состава экспедиции и почти все товары, предназначенные для обмена с туземцами на продовольствие. Утратив возможность пополнять запасы провизии путем торговли с аборигенами, руководитель экспедиции сделал ставку на мощь современного европейского оружия. В отличие от обычных исследовательских экспедиций, Петерс вооружил магазинными винтовками своих сомалийских солдат, более того, даже каждый носильщик имел дульнозарядное ружье, и что совсем необычно, – караван имел полевое артиллерийское орудие.

Продвигаясь вперед, «огнем и мечом» подавляя малейшее сопротивление диких племен, люди Петерса угоняли туземный скот, отбирали транспортные лодки, брали заложников и сжигали деревни. Но вот... колонна вошла в земли воинственных масаев – грозы всей Восточной Африки. После нескольких кровавых столкновений победоносных конкистадоров охватил страх, сомалийские солдаты вместо занятия боевых позиций, как по команде падали на колени и молились Аллаху, оба белых офицера боялись спать, не надеясь проснуться утром...

А это была только половина пути в одну сторону. Предстояло дойти до цели, а затем вернуться.

Карлу Петерсу удалось выжить, но по возвращению в Германию его ожидал суд за жестокое обращение с коренными жителями Африки. Скрываясь от правосудия, Петерс бежал за границу, где провел несколько лет, о чем, естественно, он в книге не упоминает.

Автор назвал свою книгу «Новый луч света на темную Африку», но кроме зарева сожженных деревень никакого «света» в повествовании не обнаруживается. Поэтому, в переводе я

использовал название «Операция Эмин-паша». Перевод на русский язык осуществлен впервые.

Книга читается, как захватывающий боевик с неожиданными поворотами сюжета.
Анатолий Смирнов, переводчик

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этом описании германской экспедиции «Эмин-паша» я должен дать, как можно более ясную картину внешнего курса и внутреннего характера немецкого предприятия с целью помочь Эмин-паше сохранить свою власть на Верхнем Ниле. Повествование, записанное сразу после завершения экспедиции, основано на наших отчетах и полученных сообщениях на местах, и в субъективном смысле можно утверждать, что оно имеет ценность правдивых мгновенных фотографий. О правильности взглядов, выраженных в отдельных пунктах, будут споры, но я расцениваю свою задачу в следующей книге как выполненную, если, учитывая это разнообразие мнений, мне удастся дать читателю возможность сформировать точную и четкую концепцию немецкой экспедиции «Эмин-паша».

Таково мое стремление, я не предлагаю извинения за то, что начал рассказ о начинании самого предприятия, вместо того, чтобы дать подробную предварительную историю, вернувшись, по возможности, во времена фараонов. Я считаю само собой разумеющимся, что читатель этой книги, когда он берет ее в свои руки, просто хочет знать, что было в ходе нашей экспедиции, и будет рад обойти детали, которые он найдет в лучшей и более связной форме в других книгах, которые вовсе не нужны для понимания следующего повествования.

Теперь, когда я излагаю публике историю этой немецкой экспедиции, я подчиняюсь импульсу своего сердца, еще раз выражая свою благодарность тем, чье сотрудничество обеспечило то, что предприятие закончилось так, как описано на следующих страницах, а не рухнуло в самом начале или не пришло к трагическому концу на африканском континенте, как это часто случалось. В этом месте я публично выражаю благодарность людям, которые в немецком правительстве поддержали начинание и позволили реализовать нашу экспедицию. Я также благодарен моим товарищам в экспедиции, среди которых господин фон Тидеманн был моим постоянным и верным спутником, в то время как господин Оскар Борчерт своим путешествием по Тане доказал, что он способен в одиночку достичь блестящих результатов в деле исследований Африканского материка.

Но в конце концов, даже при такой поддержке я не мог бы предложить описание немецкой экспедиции, если бы не более высокая рука явно вела нас через все препятствия и опасности обратно на родину. При всем смирении мы должны благодарить Провидение, что нам было предоставлено право вернуться домой в безопасность с возвышенных плато Лейкипия и из неисчислимых трудностей в странах на озере Виктория.

Карл Петерс
Эссен, Февраль 1891 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга, предлагаемая английской публике, уже в оригинальной немецкой форме получила благодарность и всеобщее одобрением большого количества читателей. Соответственно, издатели считают себя обязанными в том, чтобы уверенно продвигать к равному успеху эту ценную и интересную работу доктора Петерса на английском языке.

Вопрос об открытии Черной Африки с ее обширными перспективами торговли, коммерции и сельского хозяйства и еще более важными возможностями для распространения христианства и цивилизации занимает постоянно увеличивающийся объем общественного внимания. Естественное стремление к информации об этом великом и важном предмете было увеличено и стимулировано работами об африканском континенте, которые в последнее время появились благодаря выдающимся путешественникам и исследователям.

В Англии всегда было обычаем «честной игры» дать беспристрастное внимание различным заявлениям, выдвинутым теми, чей опыт и труды дают им возможность говорить по важному вопросу.

Среди тех писателей, которые заслужили неопровержимое право на внимание и уважение, доктор Карл Петерс, несомненно, стоит на первом месте. В том, что он, в полном смысле этого слова, бросил «новый взгляд» на Черную Африку, ни один непредвзятый и беспристрастный читатель этой работы ни на мгновение не будет склонен сомневаться. Бесстрашно и честно, что будет особенно привлекать симпатии англичан, он утверждает, что его страна является частью великой работы по внедрению цивилизации в Африку; он критикует своих конкурентов, не скрывая при этом свое восхищение ими; указывает на то, что он считает ошибками в суждениях и действиях, и дает свое мнение в каждом случае. У него есть мужество отстаивания своего мнения; но в то же время как он откровенно признает и свои ошибки и рассказывает свою собственную историю с одинаковой простотой и прямоотой, а отсутствие самовосхваления и критическая самооценка исключительно похвальны в человеке, который прошел через великие опасности и достиг замечательных результатов, с очень умеренными средствами.

Мистер Стэнли в отрывке из «Темной Африки» (т. II, стр. 406) говорит: «Это должна быть судьба немцев выполнить эту работу» (цивилизация Угого), «и, – добавляет он, – я им завидую». Лидер этого предприятия, описанный здесь, действовал в этом же духе. Никто больше не посвятил себя великой задаче и не выполнял ее с большей настойчивостью и дерзновением, а в каждая страница, которую читатель прочитает, подтверждает обоснованность решения, которое поставило доктора Карла Петерса в качестве главы важнейшего национального проекта.

H. W. Dulcken (переводчик на английский язык)

ГЛАВА I. В ГЕРМАНИИ

Идея выступить на помощь Эмину-паше на его станции в Ваделае была выдвинута уже весной 1886 года профессором Швейнфуртом, германским резидентом в Каире. Швейнфурт в эти дни послал мне несколько писем, в которых он сообщал об обстановке в штабе Эмина, и обратил внимание на большое значение его пребывания на Верхнем Ниле. Эти письма, которые я опубликовал, не пропали даром и произвели впечатление на колониальные круги Германии; и уже в то время было предпринято несколько усилий, хотя и слабых, с целью помочь нашему соотечественнику, попавшему в сложную ситуацию в далекой Африке. Я, со своей стороны, в 1886 году был настолько поглощен делами, связанными с колониальными приобретениями в Восточной Африке, и в создании немецкой компании в Восточной Африке, что не был в состоянии рассматривать задачи такого рода. Это был год, в котором Всемирный германский конгресс провел свои заседания в Берлине, в ходе которого началось финансирование процесса в Восточной Африке, а так называемое Лондонское соглашение определило сферу английских интересов в Восточной Африке.

Вскоре после этого Генри Стэнли принял на себя задачу оказать помощь Эмину-паше, и ему быстро удалось получить финансовую поддержку своего предприятия в Англии. Уже в начале 1887 года он отправился из Европы в Восточную Африку, и весной того же года он прибыл в Конго с группой, которую набрал в Занзибаре.

Я был в Занзибаре в этом году, занимаясь там урегулированием дел на побережье, и представил несколько фундаментальных проектов администрации в нашей колонии. В июле 1887 года я преуспел в том, чтобы убедить султана Занзибара одобрить предварительный договор, который в принципе установил передачу управления таможней и побережьем Германской Компании Восточной Африки. Тем не менее, экспедиция Стэнли к территории Верхнего Нила, естественно, не могла не привлекать к себе внимание общественных кругов и особенно внимание всех, кто был практически заинтересован в развитии регионов вокруг озер Центральной Африки. В первом ряду из них стояла Германская Компания Восточной Африки.

Когда я снова вернулся в Европу, в феврале 1888 года, после моего отъезда из Занзибара, председатель немецкой компании «Восточная Африка» господин Карл фон Клир Хейдт передал мне немецкий мемориал, в котором обстоятельно была изложена идея экспедиции по спасению Эмин-паши, и перспектива подписки на 300 000 марок (15 000 фунтов стерлингов), если я соглашусь взять на себя руководство. Я согласился с предложением в принципе, но заявил, что мое окончательное решение должно зависеть от того, каким образом идея будет поддержана правительством Германии.

Между тем судьба нашего земляка (Эмин-паши) в Ваделае постепенно пробудила чисто человеческий интерес в больших кругах немецкого народа. Перед исполнительным органом немецкой колониальной компании в апреле 1888 года была поставлена задача оказать помощь нашему земляку в Ваделае, отрезанному от внешнего мира восстанием суданцев. Это было представлено, как дело чести немецкого народа. Дирекция колониальной компании положительно восприняла это предложение и заявила о своей готовности поддержать мероприятие.

Это привело к тому, что 27 июня этого года я пригласил нескольких друзей из колониального отдела провести частную дискуссию в зале Палаты депутатов. Я здесь привожу призыв в том виде, в котором он был составлен 17 сентября 1888 года, так как он точно отражает взгляды, при которых возникло немецкое движение «Эмин-паша», и, соответственно, излагает конечную основу нашего начинания:

«Обращение! Восстание Махди в Судане разрушило первые ростки европейской цивилизации на Верхнем Ниле, культурный мир с ужасом видит, как все больше и больше распространяются ужасы необузданной системы рабства. Наш соотечественник, доктор Эдуард Шнит-

цер (он же Эмин-паша) смог возглавить Экваториальные провинции на юге Судана, будучи назначенным туда египетским правительством. Он со своим войском защищает от нападения махдистов последний оплот европейской культуры. Этот человек пробудил в Европе надежду на то, что Экваториальные провинции смогут предоставить отправную точку для распространения цивилизации в Центральной Африке. С достаточными средствами, по приказу англичан, ему на помощь вышел Генри Стэнли, надеясь восстановить связь с Эмин-пашей; к сожалению, его экспедиция должна рассматриваться как неосуществимая. Эмин-паша, нуждается в срочной помощи, его письма свидетельствуют, что боеприпасы и магазины истощаются. Наш героический соотечественник, оставшийся без помощи, пропадет без вести, а его провинция, завоеванная немецкой энергией, станет жертвой варварства. Попытки Стэнли достичь Эмина из Конго потерпели неудачу, но из Восточной Африки к Верхнему Нилу ведет лучший и безопасный путь, и там есть немецкая территория, которая дает самые безопасные пункты отправления экспедиции для поддержки Эмин-паши. Обязанность немецкой нации оказать помощь немецкому доктору Шнитцеру, и эта помощь должна быть предоставлена незамедлительно. Пусть каждый человек внесет свою долю в выполнение обязательства, которое не только нацелено на продвижение нашей политики, но и откроет новые пути немецкой торговле. Значительные суммы уже поступили на счет комитета помощи Эмин-паше; но чтобы сразу перейти к проведению экспедиции, необходимо быстрое и полное участие широких кругов населения. Мы просим, чтобы взносы выплачивались нашему казначею Карлу фон дер Хейдту в Эльберфельде в назначенных им местах».

Ниже следовали подписи членов комитета.

Комитет составил меморандум, отправленный на подпись императору и канцлеру, князю Бисмарку. Возглавить экспедицию поручили лейтенанту Виссманну и мне. Одновременно разрабатывался порядок взаимодействия между лейтенантом и мной. Мы пришли к выводу, что пешую экспедицию необходимо разделить на две части.

Здесь возникла трудность, как добиться единства действий в самой Экваториальной провинции. Чтобы сделать это практически осуществимым, Виссманн сделал в Висбадене письменное заявление о том, что при проведении экспедиции он подчинится мне, в такой мере, в какой я сочту нужным.

Вскоре были получены ответы на мемориал от Его Величества Императора и князя Бисмарка, которые приветствовали проведение немецкой экспедиции под названием «Эмин-паша».

Сумма, которую мы тогда считали необходимой для проведения экспедиции «Эмин-паши», оценивалась нами в 400 000 марок (20 000 фунтов стерлингов). Соответственно, вопрос заключался в сборе недостающих 176 000 марок в Германии. Но видя активность населения, у нас сложилось впечатление, что это вряд ли встретит какие-либо серьезные трудности, так как за очень короткое время было собрано еще 225 000 марок

Последнее заседание комитета было закрыто в восторженном настроении, с приветствиями Его Величества Императора. Именно в этот момент я получил первую подробную справку о распространении повстанческого движения на Восточном побережье Африки. Это могло потребовать если не полную отмену плана, то, во всяком случае, значительные изменения в нем. Из-за согласия Виссманна стать моим подчиненным, командование всего предприятия было поручено мне, с пожеланием сотрудничества, которое должно было предоставить Виссманну максимальную независимость.

В качестве основы нашего совместного продвижения, был определен план – и в основном он соблюдался до тех пор, пока Виссманн оставался в предприятии. План предусматривал, что лейтенант был должен немедленно начать с небольшой колонной двигаться до озера Альберт Ньянза. Между тем я должен был организовать основную колонку. У озера Альберт Ньянза мы должны были встретиться, и Виссманн со своей колонной, в которой он сохранял независимое

командование, должен был принять участие в плане общих операций. Виссман должен был стартовать в Занзибаре 5 или 12 октября, и что вопрос о маршруте должен быть составлен нами совместно. Таким же образом решение в выборе оружия должно оставаться за нами.

Повстанческое движение на восточноафриканском побережье продолжалось. Компания «East Progress Africa» 15 августа была вынуждена эвакуироваться из всех населенных пунктов побережья, за исключением Багамойо и Дар-эс-Салама. В Килоа Киринше должностные лица этой компании были убиты; и из Европы казалось, что вся Восточная Африка разрывается на куски. Это, несомненно, впоследствии было признано ошибкой, так как махдистская агитация фактически не распространялась на настоящий мир негров Восточной Африки, за исключением племени мафити. Даже вапокомо на реке Тане не имели понятия о восстании, а еще меньше о нем знали племена галла и масаев.

25 ноября «комитет по спасению Эмин-паши» единогласно принял решение незамедлительно начать экспедицию. Лейтенант Висманн, которому был разрешен свободный выбор своего маршрута, должен был, как можно быстрее отправиться в Африку, где он мог изучить детали предстоящей экспедиции на месте и выбрать маршрут в соответствии с полученной информацией. Для исключения чрезмерной потери времени маршрут должен проходить через германские территории Восточной Африки. Далее комитет уделил внимание тому, что я также должен, как можно скорее, подготовить часть экспедиции, порученную мне, и начать ее выполнение. В силу этой резолюции мы оба сразу приступили к покупке оборудования, необходимого для экспедиции.

Подготовка к экспедиции активно велась, когда канцлер, князь Бисмарк, решил от имени правительства принять жесткие меры по подавлению беспорядков в Германской Восточной Африке, поставив командующим правительственного отряда лейтенанта Виссманна. Соответственно Виссманн не мог принять участия в немецкой экспедиции «Эмин-паша»; и теперь план двойной экспедиции был отменен. Несмотря на то, что ценный руководитель был выведен из предприятия, с другой стороны, все средства теперь находились в одних руках, и, прежде всего, было обеспечено единство командования.

Хорошо известно, что за все это время различные (оказавшиеся ложными) слухи об Эмин-паше распространялись из Англии по всей Европе. Якобы, Махди убил Эмин-пашу и Генри Стэнли; согласно другим слухам, Эмин-паша содержался в махдистском плену в Хартуме. Сообщалось, что Эмин и Стэнли были вынуждены отступить в провинцию Ваделай. Эти слухи были настолько противоречивыми, что в Германии не знали настоящего положения вещей до тех пор, пока Стэнли в декабре 1889 года не вывел Эмин-пашу с его людьми на восточное побережье в районе Багамойо. Но это случилось гораздо позже, а в настоящий момент мы вносили коррективы в планы экспедиции.

Наша позиция в отношении действий в Восточной Африке была иной, чем планы немецкого императорского правительства. Разумеется, было совершенно неприемлемо для нас предпринять что-либо противоречащее или даже неудобное для политики правительства. При нынешнем положении дел в Восточной Африке Бисмарк не считал нашу экспедицию желательной, возлагая свои надежды на будущие действия отряда Виссманна, получившего к тому времени чин капитана.

В январе 1889 года мы были особенно озабочены тем, чтобы точно определить фактическое отношение министерства иностранных дел к нашему предприятию. 3 января министерство постановило отказаться от доселе возможного разделения командования экспедиции и поручить мне руководство всей экспедицией в соответствии с положениями, согласованными с капитаном Виссманном в договоре от 20 декабря 1888 года. Я был конфиденциально проинформирован через Виссманна, что госсекретарь фон Бисмарка сообщил, что Имперское правительство теперь, как и прежде, было благосклонно к проекту и только просило меня информировать о действиях, которые я намеревался предпринять. В этом случае правитель-

ство Германии будет радо поддержать экспедицию, насколько это совместимо с ее действиями на восточном побережье Африки. Эта декларация предоставила достаточные основания для решения вопроса о немедленном проведении экспедиции.

В мое подчинение были откомандированы два офицера: капитан-лейтенант Руст и лейтенант фон Тидеманн.

Капитан-лейтенант Руст

ГЛАВА II. В ЗАНЗИБАРЕ И В БЛОКИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

20 февраля я отправил лейтенанта фон Тидеманна в Аден, чтобы помочь капитану-лейтенанту Русту переправить в Ламу сотню набранных им сомалийских солдат. После некоторых раздумий я решил организовать свою экспедицию в Виту (*селение в 15 км от устья реки Тана на побережье Кении*), вдали от восточноафриканских беспорядков. Во всяком случае, спокойное состояние султаната Виту предложило гораздо более удобную обстановку для подготовки, чем тревожное положение дел в Занзибаре и на восточноафриканском побережье.

Лейтенант фон Тидеманн

Я связался по телеграфу с капитаном-лейтенантом в Адене, а также направил ему соответствующие инструкции с фон Тидеманном. Руст должен был привезти сотню сомалийцев в Виту и продолжить там их обучение, как ядра войска, которое я должен организовать. От господина Фрица Блея из Занзибара я получил сообщение, что он, вероятно, сможет обеспечить

почти две сотни носильщиков. Теперь я поручил лейтенанту фон Тидеманну доставить в Виту носильщиков, как можно быстрее.

Для транспортировки моего оружия в Восточную Африку Виссманн (теперь имперский комиссар) разрешил мне использовать один из своих пароходов – «Марта». С такой поддержкой я надеялся избежать неприятностей и трудностей, которые могли бы возникнуть в результате блокады побережья повстанцами. Я считал само собой разумеющимся, что и в английских территориях также будет оказано содействие экспедиции, организованной нацией, с которой англичане тогда, как казалось, сотрудничали в Африке вполне дружелюбно; тем более, что мы были настроены продвигаться в строгом соответствии с обязательствами, которые взяла на себя Германская империя.

После принятия всех необходимых мер в Германии, я отправился к господину Оскару Борчерту в Египет, в надежде, что там получу какую-то определенную информацию о положении Эмин-паши. Не преуспев в этом, я затем отправился в Аден, чтобы лично принять участие в вербовке сомалийцев, но особенно для того, чтобы приобрести верблюдов для экспедиции. Я добрался до Адена в середине марта; и здесь, к моему большому удовлетворению, я застал графа Телеки и господина фон Хонеля, которые только что вернулись из своей экспедиции в Масайленд. Они дали мне очень ценную информацию о положении дел на озере Баринго (225 км на NNW от Найроби), через окрестности которого пройдет мой путь, а также в окрестностях озера Туркана. Мне также было приятно встретиться и поговорить в Адене с нашим другом профессором Швайнфуртом, который только что вернулся из своего арабского путешествия. Вечером 24 марта Виссманн также прибыл в Аден из Каира; и после того, как я устроил свои дела, мы 25 марта 1889 года с Виссманном и двумя его спутниками, доктором Бумюллером и господином Янке отплыли в Занзибар, куда прибыли 31 марта, к двум часам дня.

Оскар Борчерт

Во время этого плавания Виссманн показал мне телеграмму своего представителя в Занзибаре, который сообщил, что Руст высадил моих сомалийцев в Багамойо. Это было прямое противоречие инструкциям, которые я дал Русту, он должен был доставить солдат в Виту. 31 марта, сразу же после моего прибытия в Занзибар, я получил необходимые объяснения через господина Фрица Блея, и это пролило свет на перспективу вещей, которые меня ждали в Занзибаре. Я узнал, что, капитан-лейтенант Руст в Адене просил билеты в Ламу (*селение на небольшом одноименном острове кенийского побережья*) для себя и сомалийцев и получил их от пароходной Британской Индийской компании, но агенты компании, тем не менее, запретили высадку людей в Ламу. Пароход британско-индийской линии был вынужден развернуться перед гаванью Ламу и отправиться с моими людьми в Занзибар. Там, вероятно по инициативе английских представителей, султан Занзибара также выступил против высадки сомалийцев, и поэтому было необходимо доставить их на материк, в Багамойо. Я также слышал, что султан Занзибара был настроен запретить мне проход через Ламу и, тем самым, запретить маршрут вдоль реки Тана.

На следующий день я решил лично проверить ситуацию в Ламу, а также, возможно, и за ее пределами, на побережье Сомали, которое в случае необходимости может быть использовано для старта экспедиции. 2 апреля на борту султанского парохода «Килоа», который был зафрахтован британской компанией «East African», я плыл в компании с капитаном-лейтенантом Рустом и господином Фридрихом Шредером на север. Ранее я поручил господину Фрицу Блею предпринять от моего имени действия против британской пароходной компании за нару-

шение их контракта по высадке моих сомалийцев в Ламу и взыскать с них в возмещение ущерба 15 000 фунтов-стерлингов или 300 000 марок.

Когда на пароходе «Килоа» я прибыл в Момбасу, представитель британской компании «East African» г-н Бьюкенен сообщил мне, что, хотя я купил билеты до Ламу, пароход не будет допущен в гавань, если я не дам честное слово, что судно пробудет в гавани всего несколько часов, а я не сойду на берег. Я счел себя вынужденным дать это обещание, потому что у меня все еще была надежда поговорить с моим представителем в Ламу, лейтенантом фон Тидеманном, который несколько дней назад отправился туда на пароходе «Барава», и, таким образом, дать ему новые инструкции. Все протизошло, как я ожидал; и, кроме фон Тидеманна, я встретил в Ламу двух немецких господ, которые обещали в частном порядке обеспечить меня арабскими носильщиками. Также я попросил Тидеманна собрать информацию о бухтах и причалах к северу от Ламу.

После этого наше судно отправилось на побережье Сомали, посетив Бараву, Мерку и Могадишо. Перед каждым из этих селений мы стояли на якоре по несколько дней; но арабская администрация была настолько слабой и трусливой, и, возможно, также настолько злонамеренной по отношению к европейцам, проживающим в Занзибаре, что мы так и не получили разрешения сойти на берег. После того, как я столкнулся с сопротивлением властей в Ламу, я решил взять на себя ответственность за попытку высадки на берег в Мерку. С капитаном-лейтенантом Рустом я прошел на каное через строй из нескольких лодок с угрожающими нам ара-

бами. Но когда мы высадились на берег, там поднялся громкий шум, за которым последовал официальный приказ арабского правителя, вернуться назад, – что мы, вооруженные только револьверами, были вынуждены выполнить, отказавшись от нашего намерения.

Наша попытка высадиться в Мерку

Я отправился обратно в Занзибар; и здесь произошли события, которые сделали успешное завершение нашего дела все более и более невероятным. В отличие от инструкций, которые я дал в Европе, мое охотничье оружие было отправлено из Антверпена северо-германским Ллойдом в Аден и перевезено оттуда пароходом британско-индийской компании. Оружие прибыло в Занзибар, когда я был на побережье Сомали, и в соответствии с буквальной интерпретацией правил блокады было сразу захвачено английским адмиралом Фримантлом.

Мое военное оружие, которое я должен был доставить Эмин-паше, сейчас находилось в Адене. Существовала опасность, что оно также будет перевозиться на пароходе британско-индийской линии, а затем будет изъято в Занзибаре. Я сразу же отправил срочное телеграфное сообщение германскому консулу в Адене, чтобы обеспечить доставку военного оружия одним из пароходов Виссмана, предпочтительно на «Марте», которую ожидали из Гамбурга. Капитан «Марты» заявил консулу в Адене, что корабль был полностью загружен и не мог взять мои сундуки. Затем с помощью телеграфа я попытался зарезервировать место для своего оружия на борту парохода «Гармония», который ожидался позже. Но, к моему разочарованию, я получил в ответ на мою последнюю телеграмму заявление немецкого консула в Адене о том, что оружие было отправлено на пароходе британско-индийской компании. Теперь я попробовал искать помощи в Генеральном консульстве Германии в Занзибаре, чтобы предотвратить захват этой части моего оборудования, показав мою телеграфную переписку с Аденом и тем самым доказав, что это было сделано против моих явных указаний и о том, что партия оружия была арестована на английской линии Занзибара. Но я не смог получить здесь какую-либо поддержку; и, таким образом, эта часть моего оружия также попала в руки англичан, как только она прибыла в Занзибар, и была сначала перегружена на борт английского военного корабля, а затем отправлена обратно в Аден по приказу британского адмирала.

По возвращении в Занзибар меня ожидало второе большое разочарование. Занзибар всегда был традиционным местом набора носильщиков для всех экспедиций, идущих вглубь континента. Здесь нанимают носильщиков, и до недавнего времени не было экспедиции, которая могла обойтись без посещения Занзибара. Соответственно, я не терял времени и обратился в германское консульство с просьбой получить разрешение на то, чтобы нанять носильщиков из подданных султана Занзибара – простая формальность. Учитывая мои старые отношения с арабами, мне несложно было набрать носильщиков в Занзибаре, и на самом деле уже несколько сотен человек предложили мне свои услуги в этом качестве. Когда я вернулся в Занзибар 17 апреля, к моему удивлению услышал, что на мое заявление в консульство не посту-

пило никакого ответа; и в то же время мне сообщили, что султан объявил, что каждый черный человек, принявший участие в моей экспедиции, потеряет голову, если вернется в Занзибар, и что я не должен рассчитывать получить здесь носильщиков.

Чтобы справиться с этими трудностями, г-н Фриц Блей, который в то время был моим представителем в Занзибаре, очень разумно, по собственной инициативе, нанял для нас пароход «Ноера», принадлежащий Бомбейской паровой компании. Я изначально хотел использовать парусные лодки, но, ввиду совершенно неожиданных и совершенно необычных препятствий, было весьма вероятно, что обладание пароходом будет необходимо. Поэтому с тяжелым сердцем я решил выплатить большую сумму, необходимую для фрахтования «Ноеры»; и эта трата внесла очень важное изменение в мой план организации экспедиции. Поскольку я был вынужден потратить почти 75 000 марок (3750 фунтов стерлингов) только на то, чтобы обеспечить высадку на побережье, я больше не мог надеяться осуществить экспедицию, состоящую из сотни солдат и шестисот носильщиков.

Соответственно, уже в апреле я решил уволить по меньшей мере две трети сомалийских солдат; и теперь начал готовить экспедицию в составе от ста пятидесяти до двухсот носильщиков.

Но судьба, похоже, склонялась к тому, чтобы запретить выполнение даже этого плана. Следующие недели характеризовались усилиями с моей стороны, если не вернуть все мое оружие, то по крайней мере, вернуть мое охотничье оружие, задержанное англичанами. Кроме того, я стремился получить поддержку в виде дипломатического вмешательства Германской империи, чтобы получить доступ к Ламу. С этой целью я телеграфировал 29 апреля в комитет «Эмин-паша» в Берлине с просьбой подать заявление в министерство иностранных дел, чтобы получить для меня разрешение на переход в Виту. Подождав несколько дней без новостей, я возобновил заявку 6 мая; а 10-го мая я умолял о посредничестве в том, чтобы мое конфискованное оружие было возвращено. 13 мая я получил ответ: «Министерство иностранных дел отказывается от всех посреднических услуг и поддержки». Мое оружие было конфисковано, за исключением нескольких дульнозарядных мушкетов и казнозарядных ружей, которые Виссманн ранее купил для своей части экспедиции и передал мне в Берлине. Они лежали на складах Императорского комиссариата в Багамойо и Дар-эс-Саламе. Но все еще был вопрос, не будет ли Берлином отказано в получении мной этого оружия. Таково было состояние дел в середине мая.

Я высказал свое мнение об общей позиции, в докладе из Занзибара немецкому комитету «Эмин-паша» от 17 мая, из которого я приведу следующий отрывок:

«Если Имперское правительство не пожелало поддержать германскую экспедицию „Эмин-паша“, оно должно было еще на стадии разработки запретить этот проект. Но перед лицом трудностей, возникших на всех направлениях, перед лицом интриг, с которыми мы должны бороться ежедневно, я с гордостью могу сказать, что мы еще более решительно намерены выполнить взятые на себя обязательства. Блокада побережья простирается от 2°10' „до 10°28“ южной широты, и до сих пор здесь имеются места, где европейские державы, Германия и Англия, не имеют законного предложения для закрытия прохода немецкой экспедиции во внутренние районы Африки. Если наше оружие будет конфисковано насовсем, мы будем требовать компенсацию. Мы, безусловно, будем бессильны против насилия на море. Но проникнув во внутренние районы мы будем хозяевами ситуации».

Между тем, в начале мая «Ноера» прибыла в Занзибар. Пароход оказался очень прочным маленьким кораблем, который мог бы делать одиннадцать миль в час, и я считал его приобретение первостепенной задачей для нашего предприятия. С помощью «Ноеры» у меня была возможность привезти оружие из какой-то другой части Индийского океана, и, прежде всего, мне удалось бы собрать носильщиков на побережье, и в конечном итоге, избежать блокады. В первую очередь было особенно важно, чтобы мое оружие и боеприпасы находящиеся в Бага-

мойо и Дар-эс-Саламе были доставлены на борт. Я особенно надеялся на привлечение носильщиков в Багамойо, где капитан-лейтенант Руст, командовавший нашими сомалийцами, уже установил для этой цели отношения с французской миссией.

17 мая я впервые перебрался из Занзибара в Багамойо. В последующие дни я посетил в Дар-эс-Саламе Виссмана с его несколькими сотнями солдат и получил от него разрешение взять сотню дульнозарядных и пятьдесят казнозарядных ружей из его складов.

Когда через несколько дней я вернулся в Багамойо, то получил очень приятную информацию о том, что брат Оскар из французской миссии нанял для меня около шестидесяти носильщиков из центрально-африканских племен. Помимо упомянутых ста пятидесяти ружей, менеджер склада в Дар-эс-Саламе вручил г-ну Оскару семнадцать магазинных винтовок, для которых Виссманн в Багамойо любезно дал мне три тысячи патронов. Я распределил все эти запасы оружия в домах, населенных моими сомалийцами в Багамойо, а в воскресенье 26 мая, отправился обратно в Занзибар для перевозки своих палаток и другого оборудования оттуда в Багамойо. Я взял со мной в Занзибар семьдесят три сомалийца и уволил их там по причине недостатка в денежных средствах.

Я оставался в Занзибаре до субботы, 1 июня; и эта неделя была важна в двух направлениях. С одной стороны, мы начали переговоры с г-ном Гашем, который поддерживал связь с южными территориями, и я получил от него советы относительно дальнейшего приобретения носильщиков, возможно, в Тунги-Бэй, в Мозамбике или заливе Делагоа. Благодаря этим конференциям в Занзибаре возникло убеждение, что я должен в первую очередь отправиться на «Ноере» в Мозамбик, чтобы оттуда начать выполнение моего реального плана. С другой стороны, в течение последней недели мая я вступил в личное общение с адмиралом Фримантлом, чтобы добиться возвращения моего охотничьего оружия; и в этом я преуспел.

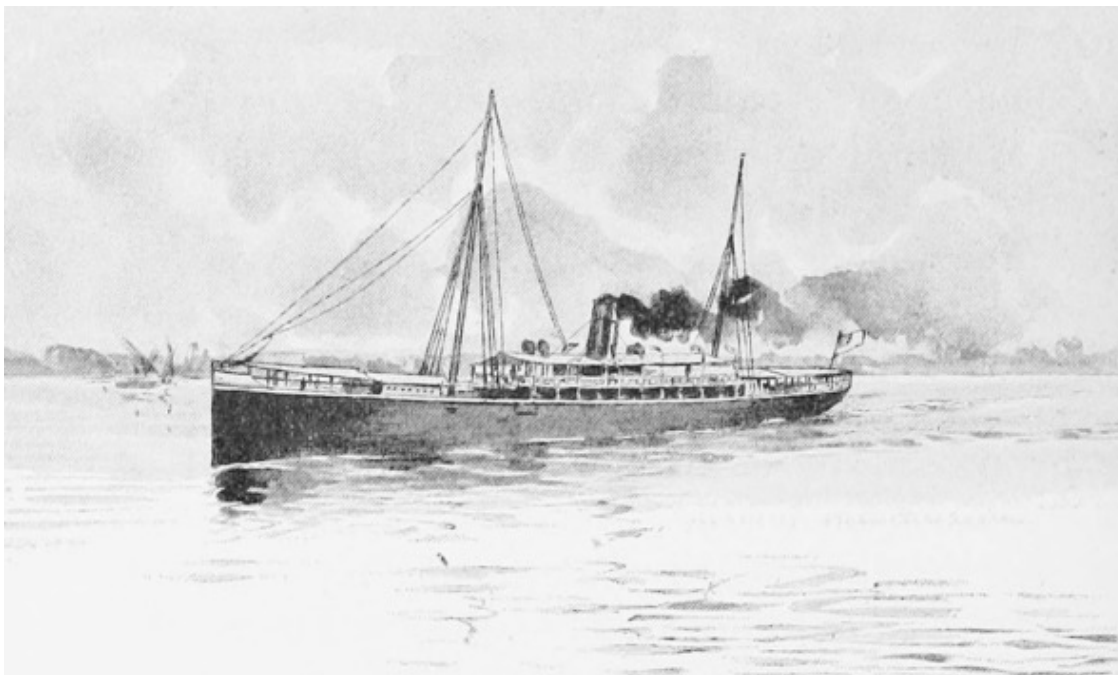
Я сам отправился на борт британского флагмана и имел продолжительную беседу с адмиралом Фримантлом, в которой я четко изложил положение дел. Несколько днями ранее заместитель командующего в Занзибаре объявил мне, что я не имел права высаживаться с «Ноеры» (хотя она вообще не подпадала под правила блокады) в любом месте, которое было под блокадой, особенно в Момбасе, куда я хотел пойти, чтобы провести переговоры с Фримантлом. Я спросил Фримантла, какие были причины и мотивы препятствий, учиненных мне, и он заявил мне, самым откровенным образом, что я был неудобен для англичан в Восточной Африке и поэтому не мог рассчитывать на теплый прием. Дважды он открыто дал мне понять, что по отношению ко мне это было реальное состояние войны. Если это меня не устраивает, я должен отправить просьбу моему правительству в Берлин; а оттуда должны сообщить в Лондон, а из Лондона прислать ему распоряжение, которое полностью изменило бы положение вещей. Это он неоднократно объяснял мне. Он сожалел об этой ситуации, но должен был подчиняться инструкциям. Тем не менее, по заключению, он обещал мне, что не будет стоять на моем пути за пределами района блокады, и не создаст препятствий на пути «Ноеры», если я захочу отправить ее Ламу, при условии, что ни я, ни военная контрабанда не будут присутствовать на ее борту.

«Это война!» Этими словами Фримантл указал мне мое положение в этой ситуации. Если я не нашел никакой юридической защиты, мне было необходимо, чтобы я выполнил порученную мне миссию без нее.

Случилось так, что, по прибытии в Занзибар, я нашел ожидающую меня телеграмму от комитета с просьбой сообщить о состоянии экспедиции и о наших действиях по освобождению арестованного оружия. Я телеграфировал в ответ, что оружие было заменено некоторым количеством, полученным от Виссмана, и я надеялся, что смогу начать движение через четыре недели. Теперь я решил вести мою экспедицию на север вдоль линии блокады и искать в ней брешь для высадки в местах из которых я смогу проникнуть за линию блокады и продвигаться в Виту и районы в окрестностях реки Тана.

1 июня, в компании с господином Оскаром Борчертом, и с господином Фриденталем, который был специально нанят для упаковки ящиков, я опять вернулся в Багамойо, отправив свое охотничье оружие и другие принадлежности экспедиции на борт парохода. Весь следующий день и 3 июня я грузил на судно оружие и боеприпасы в Багамойо, а 4-го я поручил капитану-лейтенанту Русту принять на службу носильщиков найденных при помощи миссионера Оскара. 5-го июня я закончил погрузку всего и всех, а утром 7-го мы вышли из гавани Багамойо, направляясь в Дар-эс-Салам. Считалось, что я должен задержаться на неделю в Дар-эс-Саламе, чтобы набрать дополнительных носильщиков, а затем отправиться на юг. Я действительно был бы очень рад получить больше носильщиков в Дар-эс-Саламе, поскольку я получил в Багамойо только пятьдесят три человека. Однако я опасался, что, задержавшись в Дар-эс-Саламе, я буду неоправданно рисковать всем, и, следовательно, я довольствовался там наймом еще пятнадцати человек 8 июня; а уже утром 9-го, в воскресенье, я продолжил путь из Дар-эс-Салама.

Мы вышли в восемь часов утра, и сначала демонстративно направились на юг, чтобы не показать наших истинных намерений. Пушки станции салютовали уходящей «Ноере», и мы ушли от наших соотечественников на побережье дав ответный залп из наших магазинных винтовок.

«Ноера» выходит из Дар-эс-Салама

Это был славный момент, когда очертания Дар-эс-Салама исчезли позади. С северо-запада поднялся свежий ветер, и море сильно взволновалось. Будущее, действительно, лежало перед нами, окутанное неопределенностью; но чувство, которое мы испытывали в этот момент, безусловно, было облегчением и освобождением от сильного давления. Это было чувство свободы и движения. Только в предыдущий вечер я раскрыл свои планы капитану «Ноеры» и капитану-лейтенанту Русту. Я собирался взять курс на север за пределами островов Занзибар и Пемба и попытаться зайти в залив Квайху (на северном побережье современной Кении), который находится к северу от границы блокады. Это мероприятие было нелегким, поскольку бухта Квайху блокирована снаружи рифами и, как правило, в нее не войти без помощи лоцмана. Естественно, мы не смогли взять лоцмана в Занзибаре, потому что это раскрыло бы наши планы.

Но было необходимо рисковать, если я не хотел отказаться от экспедиции, как таковой. Поэтому мы решились на риск. После того, как мы прошли десять миль к юго-востоку, курс был изменен на восток, и к шести часам вечера, мы проплыли около пятидесяти миль. Затем мы поменяли наш курс на северо-северо-восток, а ночью прошли мимо Занзибара и Пембы, направляясь непосредственно к Ламу. До четверга мы плыли по очень бурному морю вплоть до широты Ламу, а оттуда мы направились на северо-запад, держа курс на Квайху. И Занзибар и все блокадное побережье были далеко за горизонтом.

Вечером 10-го июня наша экспедиция приближалась к неожиданному концу. Я сидел после ужина с сигарой на квартердеке с Рустом и Оскаром Борчертом, когда внезапно из салона, где хранился весь наш порох и боеприпасы, вырвалось яркое пламя. Сильная качка судна опрокинула нефтяную лампу, которая взорвалась примерно в трех футах от первой бочки с порохом. Мы сразу же бросились вместе с капитаном и механиком, схватив несколько шерстяных одеял, которые бросили на огонь, сделав из них пакет и бросив пылающую массу за борт. За исключением нескольких ожогов на руке Руста, жертв не было. Я воспринял это как удачное предзнаменование, и полное доверие к дальнейшей судьбе экспедиции наполнило мое сердце.

Утром 11-го мы проснулись предполагая, что находимся на широте залива Квайху. Мы обошли остров, который, согласно морским картам, находился в начале входа в бухту. Было бурное море, ветер свистел с юго-запада, тяжелые валы постоянно накатывались на наше маленькое судно, которая грозило опрокинуться каждую минуту. Ящики и сундуки катались по палубе, и мои люди страдали от морской болезни и страха. Почти до одиннадцати часов мы измеряли глубины и медленно продвигались вглубь залива. Затем я решил спустить шлюпку, но она была почти опрокинута волнами, и нам пришлось быстро поднять ее на борт, чтобы не потерять. Неполное наблюдение за высотой солнца в полдень показало, что мы находимся примерно на 1° южной широты, примерно в тринадцати милях к северу от гавани Гогенцоллерна, или примерно в шестидесяти милях от залива Квайху, и на виду одного из островов Дандас. Так сильно течение вдоль побережья отнесло нас к северу.

Мы шли полным ходом на юго-запад до семи часов вечера, делая только семь миль в час против сильного ветра. К семи часам вечера мы прошли около сорока миль. Затем мы пошли малым ходом, чтобы ночью не войти в зону английской блокады. В четыре утра мы снова пошли полным ходом. После наблюдения за высотой солнца в полдень мы оказались примерно в том же положении, где были вчера. Мы все еще недооценили влияние морского течения к северу.

Теперь дело стало действительно серьезным из-за того, что стала ощущаться потребность в пресной воде. В Занзибаре я приказал капитану взять запас воды на неделю, и он это сделал: но он только рассчитывал на свою команду и не учел людей, которых я должен был привезти на борт. В Дар-эс-Саламе я старался пополнить запасы воды. Однако было невозможно получить ее большое количество; и, таким образом, в ожидании того, что мы прибудем в бухту Квайху через три дня, я уплыл с недостаточным запасом воды – несомненно, моя большая ошибка. Капитан начал терять мужество. Я договорился с ним о том, чтобы собирать дождевую воду, и мы снова пошли под парами на юго-запад, против бурных волн и ревущего ветра. О сне нечего было и думать, так как мы все были на палубе. Мы шли на полной скорости до утра; затем направились на северо-запад к земле и увидели один из островов Дандас. Капитан был очень подавлен и требовал вернуться в Занзибар. Соответственно, я дал ему письменное указание держать курс к заливу Квайху до тех пор, пока он не получит от меня другой приказ. Я пригрозил, что если он не подчинится моим указаниям, я привлеку его компанию к ответственности за потерю 20 000 фунтов стерлингов, уплаченных за фрахт судна. Этого хватило на день. Благодаря более масштабным мерам мне удалось в этот четверг утром собрать и перекачать в танки около 1500 ведер дождевой воды.

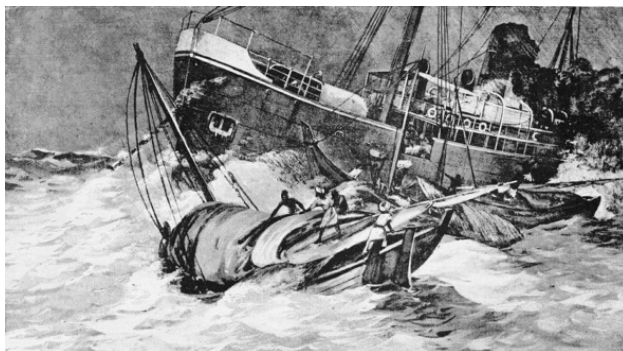
В полдень капитан взял высоту солнца и определил наше положение на 2° южной широты, так что мы должны были находиться рядом с нашей целью. В половине первого я привлек внимание г-на Борчерта к тому, что я принял по очертаниям за пик Квайху, приметный объект острова Квайху. Сразу же после этого разразился очень тяжелый шквал с потоками дождя, так что мы поспешно ушли от земли, чтобы нас не бросило на рифы. В четыре часа капитан вышел на палубу и попросил меня подняться на мостик и посмотреть, не были ли мы напротив острова Ламу. Я думал, что это так, и Руст был того же мнения. Мы уменьшили ход и предполагали, что проходим на север мимо острова Манда, пока не увидели вход в бухту Манда-Бей. Теперь мы, казалось, определили, где мы находимся. Мы были вынуждены держаться подальше от берега, потому что солнце зашло. Всю ночь мы кружились в окрестностях острова. На следующее утро мы должны были пройти вдоль Патта в бухту Квайху. На рассвете мы продолжили путь. Но залив был закрыт барьером рифов. И здесь был остров в середине залива, который не был отмечен на морской карте; и почему-то замеры глубин не соответствовали указанным на карте. В двенадцать часов солнечные наблюдения показали нам, что мы находимся в 1°34 «южной широты, следовательно, от двадцати до тридцати миль к северу от залива Квайху. Таким образом, мы ошиблись, приняв за бухту Квайху совершенно другой залив. Очертания берегов в этом районе настолько однородны, что не следует слишком удивляться таким ошибкам, которые случались с нами. Я считаю, что перед нами, возможно, был остров Фейрхед, который мы посчитали за отсутствующий на карте остров в середине залива, к которому мы стремились.

Мы снова на всех парах пошли к югу! Вечером мы были напротив воображаемого Ламу, куда мы уже приходили прошлой ночью. На следующее утро – вперед на юго-запад! И вот перед нами поднялся истинный пик Квайху, и, наконец, мы нашли наш залив! Невозможно представить себе чувство глубокого удовлетворения, которое я испытал. Следует помнить, сколько было поставлено на карту по этому поводу. С каким издевательством мы должны были столкнуться, и как любезно английская блокада приветствовала бы нас, если бы мы наткнулись на английский военный корабль! Небольшая авария наших двигателей или нашего винта могли бы разрушить все. Однако, между 10 и 11 часами в воскресенье, 15 июня, мы миновали рифы залива Квайху. В одиннадцать «Ноера» бросила якорь. Перед нами на расстоянии пяти миль был берег континентальной Африки.

Но времени для отдыха не было. У нас не было грузовых лодок, а свежий ветер задувал в бухту, и было более ста человек и около двадцати тысяч фунтов груза, которых надо было доставить на берег. В одиннадцать тридцать я с Рустом на судовой шлюпке отправились в деревню Сью, чтобы нанять людей для разгрузки и лодки для перевозки. В качестве меры предосторожности я взял с собой в шлюпку шестерых сомалийских солдат; и только к трем часам мы достигли деревни Сью, на северной стороне залива. Мы быстро смогли установить дружеские отношения. Но я узнал, что дау (арабская парусная лодка) были только в Пасе, и могут быть предоставлены только согласия арабского губернатора по имени Буана Мсе. Я с Рустом немедленно отправились на шлюпке на запад, в Пасу. Г-ну Фриденталю, который тем временем прибыл на другой шлюпке, было поручено медленно следовать за мной на этой второй шлюпке с десятью солдатами и затем лечь в дрейф перед Пасой.

Паса – это город с населением от четырех до пяти тысяч человек, с фортом и арабским гарнизоном. Сотни людей окружили нас, когда мы торжественно шли к резиденции губернатора. В Пасе симпатии явно склонялись в пользу англичан, поскольку г-н Маккензи незадолго до этого «разбрасывал здесь золото». Жители приняли нас за англичан, так как «Ноера» плыла под английским флагом. Я не видел причин для того, чтобы разубеждать их в этом вопросе; и через час после этого плыл назад с двумя большими дау. Мы вернулись к нашему пароходу к семи часам. Буана Мсе также заверил меня, что предоставит сто пятьдесят носильщиков, которых он впоследствии не прислал.

В ту же ночь с приливом нам удалось погрузить всю военную контрабанду, порох, боеприпасы и т. д. в одну из дау, где двенадцать солдат были выделены охранять груз. Вторая дау была загружена на следующее утро; и когда в это время к пароходу подошла третья дау, я смог сразу приступить к высадке на берег всех своих людей. В воскресенье, к восьми часам, мы выгрузили с «Ноеры» на дау почти все. По мере того, как интенсивно начался отлив, я решил больше не подвергаться риску разоблачения моих контрабандных действий англичанами. Поэтому г-н Фриденталь был оставлен на борту судна с невыгруженными вещами, чтобы затем завершить выгрузку при удобных обстоятельствах. Я должен был выполнять разгрузку с самого начала гораздо более усердно, если бы знал, что происходит в это время к югу от залива Квайху.

Перегрузка снабжения с «Ноеры» на арабские дау

Адмирал Фримантл, чье внимание привлекло мое внезапное исчезновение из вод Занзибара, направился на своем флагмане с тремя сторожевыми кораблями в Манда-Бэй, надеясь обнаружить и перехватить меня там.

Корвет «Боаницея», флагман адмирала Фримантла

Его флагман лежал в дрейфе в восьми морских милях от меня. Адмирал пренебрег проверкой залива Квайху, потому что считал его недоступным для морских судов, что было непростительной ошибкой с его стороны. Он также рассматривал залив Квайху, как лежащий вне района английской блокады. Таким образом, Фримантл спокойно ждал в заливе Манда, когда около десяти часов я, оставшись с тремя дау, расстался с «Ноерой». В первом дау находился я с Рустом, во втором был г-н Борчерт, третью дау я беззаботно оставил без белого человека на борту, поскольку г-на Фриденталь в последний момент был отправлен обратно на «Ноеру».

В одиннадцать часов мощный ливень скрыл острова Квайху и Фазы, а также континентальный берег. Таким образом, мы не могли точно контролировать наш курс и положение, поэтому, нет ничего удивительного в том, что к двенадцати часам наша дау внезапно

тяжело ударилась дном о какое-то препятствие, и ее парус упал вниз. Через какое-то время мы получили сообщение, что арабский губернатор приказал, чтобы мы снова прибыли в Пасу, прежде чем отправимся на континент. Как я потом выяснил, арабы, узнав, что мы не англичане, намеревались задержать нас в Пасе, пока британский адмирал Фримантл не решит, что делать с нами. Я не намеревался рисковать успехом всего предприятия, поставив себя в зависимость от намерений арабов, которые были куплены англичанами. Я приказал снова поднять парус. После небольшого сопротивления со стороны арабских лодочников, моим людям удалось выполнить приказ, при этом туземцы наполовину добровольно, наполовину под принуждением оказались за бортом, и теперь мы стали полными хозяевами лодок. Я попросил капитана-лейтенанта Руста стать к рулю на моей лодке. Две других дау поначалу шли вслед за нами, но внезапно начали разворачиваться, когда г-н Борчерт по моей команде энергично вмешался в управление; а после того, как мне удалось пересадить в третью дау несколько решительных сомалийских солдат, мы поспешили удалиться от берега, когда увидели на нем множество кричащих людей. Теперь на полных парусах мы направились на континентальный берег Африки.

Дождь, который на какое-то время прекратился, теперь снова пошел, и серый туман опять спрятал канал Сью, в который мы теперь нацелились. В половине первого часа мы стали на якорь перед местом, которое поначалу посчитали за селение Кивани. Я удивился, что не вижу никаких домов, и выделил трех человек, чтобы произвести разведку на некотором удалении вглубь берега. Там были обычные мангровые заросли и никаких следов селения. Руст, который со своими сомалийскими солдатами также высадился на берег, согласился со мной, что это не Кивани, или что Кивани не то место, куда мы стремились. Поэтому мы вернулись в лодки. Я занял свое место в третьей дау, поручив Русту командование первой. Теперь у каждой лодки был белый командир.

Перед нами лежал Сью-канал, который ведет в залив Манда. Слева простирается остров Патта, который я знал очень хорошо, посетив его полтора года назад. На севере африканский континент разрезается рядом заливов. Дождь значительно сократил дальность видимости, и все береговые очертания приобрели таинственный серый оттенок. Это подвигло нас к исполнению плана, который казался мне заманчивым уже в Занзибаре, но который я не осмелился всерьез осуществить.

Тот, кто смотрит на детальную карту этого района, увидит, что канал Сью почти напротив селения Патта делает поворот на север. Эта северная бухта на западе граничит с султанатом Виту, территория которого была выбрана для начала экспедиции по континенту. Если мы сможем проникнуть в бухту незамеченными с английских кораблей из залива Манда, проблема прорыва блокады была бы успешно решена в тот же день. Я решил использовать эту возможность, владея тремя дау. Поэтому, с попутным ветром, на запад! Напротив Сью мы повернули к северу, и в четыре часа дня, промокнув до костей под дождем, бросили якорь у Мбаджи. Я приступил к выгрузке самой маленькой дау, так как хотел отправить ее обратно на корабль к господину Борчерту; между тем, мы с комфортом устроились в Мбадже.

Я намеревался в эту же ночь дойти до Шимбая в султанате Виту; но полное истощение сил капитанов и экипажей заставило меня отложить это действие. Мы поужинали небольшим количеством холодного мяса, поставили достаточное количество солдат для охраны дау, и в половине седьмого все заснули; но наш отдых прерывался ручейками воды через дырявую крышу негритянской хижины.

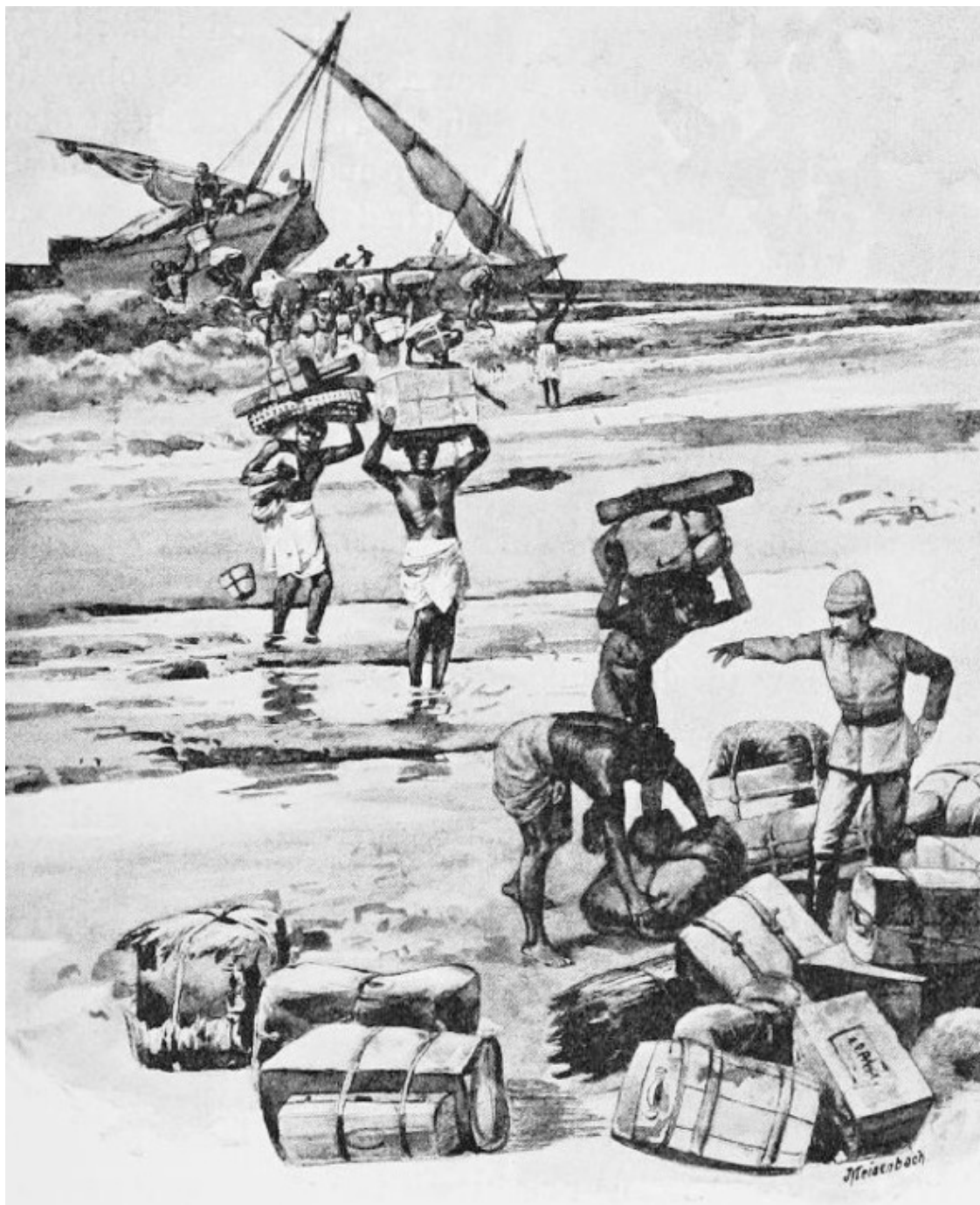
В четыре часа утра г-н Борчерт, с четырьмя солдатами отправился на дау назад, в бухту Квайху. В половине пятого Руст и я переместили все, что ранее было в этом дау, и всех людей, в две другие лодки, которые будучи переполнены, глубоко осели в воде, и на рассвете мы снова вышли в море. Солнце приятно сияло, и уже в половине седьмого мы смогли бросить якорь у Шимбая. Я сразу пошел в деревню и обнаружил, что она превосходно подходит для нашей цели; обеспечил предоставление нам старейшиной нескольких домов и вернулся

на берег, чтобы контролировать выгрузку наших вещей. Этим делом мы занимались до двадцати часов и обеспечивали очень занятное зрелище для туземцев. Когда все было выгружено, я вернулся в деревню, чтобы руководить размещением багажа, а капитан-лейтенант Руст остался на берегу. Носильщики бегали туда-сюда; и к двум часам дня 17 июня все было аккуратно размещено в Шимбае, в султанате Виту под флагом султана Фумо Бакари, который развевался над нами.

ГЛАВА III. В СУЛТАНАТЕ ВИТУ

Таким образом, было преодолено препятствие грубой силы, налагаемое английской блокадой; и задача преодоления этого препятствия не была очень сложной. Англичане были слишком уверены в успехе, и поэтому «Ноера», несмотря на охотящиеся за ней четыре английских корабля, вошла в самый северный залив системы гаваней Ламу. Но, с другой стороны, ситуация, в которой мы сейчас находились, едва ли могла сохранить во мне чувство удовлетворения.

Я высадил в Шимбае около шестидесяти носильщиков и двадцать семь солдат. При этом, 17 июня я столкнулся с задачей собрать более двухсот пятидесяти ящиков и тюков с боеприпасами и другими грузами в Виту перед лицом британского флота. В случае дальнейшего применения насилия со стороны англичан я был полностью лишен возможности сопротивляться, я прекрасно это понимал. Более того, пока я оставался на побережье, я не был в безопасности в собственном лагере от посещения английских морских пехотинцев.

Выгрузка в Шимбае

В Шимбае я был вынужден ждать несколько дней, чтобы дать людям немного отдохнуть. Люди были сильно истощены тяготами морского пути. Также было необходимо тщательно почистить оружие, которое сильно пострадало от морской воды, установить пушку и разделить палатки, которые были доставлены в одном большом тюке. Кроме того, я должен был ждать новостей от г-на Борчерта о том, удалось ли ему погрузить на свью дау оставшиеся вещи с «Ноеры». Что касается этих вещей, я указал, что все, что подпадает под обозначение «товаров», должно, согласно разрешению, данному мне Фримантлом, быть отправлено в Ламу, откуда я мог бы доставить их на континент с помощью девяти верблюдов, которых я раньше купил в Адене, и которые теперь находились в Ламу. В основном, это были товары для обмена с туземцами на продукты питания для экспедиции. А все то, что подпадает под определение «военная контрабанда», должно быть тайно от англичан доставлено ко мне в Шимбай, лежа-

щий за северной границей блокады. 18 июня г-н Фриденталь прибыл в Шимбай с этой «контрабандной» частью вещей. Г-н Борчерт прислал мне известие, что он сочтет за лучшее с его стороны пойти в Ламу с товарами, предназначенными для будущих обменов с туземцами, чтобы лично контролировать их погрузку на верблюдов. Уже до приезда г-на Фридентала из Шимбая 18 июня я связался с господином фон Тидеманном в Ламу.

Все мое внимание в течение следующих нескольких дней было направлено на приобретение дополнительных носильщиков. Для этого я с несколькими людьми отправился 19 июня в Вангу. Рядом с берегом я нашел дом, который выглядел довольно европейским. Я вошел и нашел в нем г-на Шонерта, нашего чиновника в Ванге. Он принял меня любезно и сразу же показал мне стоящий в бухте перед его окнами хорошо известный мне корабль – «Боадицея» адмирала Фримантла, который прибыл незадолго до этого. В час дня г-н Шонерт сопровождал меня обратно в Шимбай, и здесь у меня был приятный сюрприз увидеть господ фон Тидеманна и Топпена, которые, получив известие о нашей высадке, сразу же прибыли сюда, чтобы искать нас в окрестностях залива Квайху. До них дошел крайне преувеличенный слух о том, что «тысяча немцев высадилась в заливе Квайху», и среди белого и черного населения возникло большое волнение. К моему сожалению, я вскоре убедился, что моя надежда на приобретение носильщиков не имеет больших шансов.

Я договорился с г-ном Топпеном о том, что он возьмет на себя доставку в Ламу предметов для туземного обмена, которые я привез с собой.

Во второй половине дня я также впервые узнал, что в этих водах находятся четыре английских военных корабля без какой-либо явной причины. Но для меня причина была достаточно очевидной; и я решил уйти с моей экспедицией сразу к юго-западу, подальше от моря. Поэтому в тот же вечер, в половине пятого, я отправил свои боеприпасы по сухопутной дороге в Вангу, а ночью, между одиннадцатью и двенадцатью, я отправил дау, нагруженные провизией под руководством г-на Фридентала в Мгине.

Для места, где мы смогли бы в безопасности собрать все средства я выбрал Хинди, селение в девяти милях от берега. Место было расположено сразу за Ламу, посреди пустынной территории в зажиточном сельскохозяйственном районе. В течение 23-го, 24-го и 25-го июня мы работали, чтобы получить все грузы, размещенные в Ламу; дело в котором мои верблюды, взятые из Ламу утром 24 июня, оказались очень полезными.

25 июня 1889 года вся экспедиция была собрана в Хинди. У меня были палатки, установленные в середине селения, мои ружья заряжены, а дома вокруг заняты моими людьми. Мы опасались появления военного отряда англичан, но джентльмены не удостоили нас визитом.

20 июня в Ламу с самым безобидным грузом прибыл на «Ноера» господин Борчерт. По пути «Ноера» получила повреждения во время шторма и капитан посоветовал Борчерту подготовиться к худшему. Тем не менее, 20 июня я с особым интересом наблюдал через телескоп за тем, что происходило на борту английского флагмана «Боадицея». «Ноера» все-таки добралась до гавани Ламу. Когда она входила, ее встретила шлюпка с английского сторожевого корабля, и офицер прокричал со шлюпки: «Где доктор Петерс?» Тем более поразительным был ответ г-на Борчерта: «Доктор Петерс ушел в глубь страны к Эмин-паше». На следующее утро появился адмирал Фримантл и вызвал к себе капитана «Ноеры». К нашему общему сожалению, мы потом узнали, что адмирал излил всю свою злость на капитана. Он кричал, что в течение пяти дней болтался в этих водах с четырьмя кораблями, имея единственную цель перехватить нас. Бедный адмирал Фримантл! Мы все искренне пожалели его. Но его гнев мне лично показался несколько необъяснимым, поскольку он сам дал разрешение на то, чтобы «Ноера» зашла в Ламу, если у нее на борту не будет боеприпасов.

Два следующих письма должны быть прочитаны теми, кто хочет узнать о том, что происходило до 20 июня. Они были написаны на английском языке:

Запрос: Багамойо, 9 июня 1889 года.

«Ваше Превосходительство, я имею честь сообщить, что я, скорее всего, отправлю „Ноеру“ в Ламу. Согласно обещанию, любезно данному Вашим Превосходительством мне, Вы не возражаете против моих действий в случае, если на борту не будет ни оружия, ни боевых припасов. Я любезно прошу Ваше Превосходительство дать соответствующее распоряжение коменданту Ламу. Я, вероятно, отправлю в Ламу либо г-на Борчерту, либо г-на Фриден탈я, либо сразу обоих, и это будет в период 25—30 июня. С выражением моего искреннего уважения, остаюсь самым преданным слугой Вашего Превосходительства, Карл Петерс».

Ответ: Борт корвета «Боадицея», Занзибар, 11 июня 1889 года. Карлу Петерсу, в Багамойо.

«Сэр, я имею честь подтвердить получение Вашего письма от 9-го июня, сообщившего мне о Вашем намерении отправить „Ноеру“ в Ламу без оружия или боеприпасов на борту. При выполнении этих условий я не буду возражать против того, чтобы „Ноера“ отправилась в Ламу, и я дам инструкции нашему исполняющему блокаду побережья офицеру. Но за соблюдением условий будут наблюдать, и ей прикажут покинуть порт, если возникнет подозрение, что судно или его экипаж наносят ущерб интересам Британии в Восточной Африке. Чтобы устранить всякие подозрения, было бы неплохо, если бы Вы сообщили цель или причину, по которой „Ноере“ требуется зайти в Ламу. Имею честь, Ваш покорный слуга, вице-адмирал Фримантл».

Это письмо адмирала Фримантла я не получил до тех пор, пока находился в Виту, и поэтому не смог отправить более ранний ответ. Для дальнейшего разъяснения позиции я также добавлю следующее письмо:

Ламу. 21 июня 1889 года. Оскару Борчерту, члену экспедиции «Эмин-паша».

«Сэр, я имею честь информировать Вас, что получил приказ от командира сторожевого корабля «Маринер» проверить груз парохода «Ноера» на наличие запрещенных грузов. Настоящим я заявляю, что проверил каждое грузовое место и не обнаружил ни оружия, ни боеприпасов. Д.Е.Эдбертс, офицер корабля Ее Величества «Маринер»

Когда 23 июня я прибыл в Хинди, г-н Оскар Борчерт лично приехал из Ламу, чтобы сообщить мне о содержании этого письма. Этот вопрос уже не касался меня формально, так как еще в заливе Квайху я передал г-ну Борчерту право руководить движениями «Ноеры» и оставил на борту парохода предметы, которые, как уже говорилось, не являлись «военной контрабандой». Однако, представьте мое удивление, когда 24 июня г-н Борчерт прислал мне копию следующего письма:

Канонерская лодка «Маринер», Ламу, 22 июня 1889 года, Оскару Борчерту, члену экспедиции «Эмин-Паша»

«Сэр, действуя по приказу главнокомандующего ВМС в этих водах и принимая во внимание существующую блокаду этой части побережья Африки, я должен сообщить, что находящиеся на борту вашего судна грузы для доктора Карла Петерса не могут быть выгружены в этом месте или в любой другой части внутри или рядом с той частью побережья, которая в настоящее время находится под блокадой. Те грузы, которые теперь находятся на складах рядом с вашим судном, должны быть снова приняты на борт, и вы должны выйти из порта,

как только это будет сделано. Я отправлю своего офицера, чтобы помочь Вам при выполнении этого приказа. Этот офицер будет сопровождать вас до Занзибара, чтобы убедиться, что грузы не будут выгружены каком-либо другом порту на этой части побережья. Его переход до Занзибара будет оплачен. Чарльз Э. Арбутнот, командир «Маринера»

Этим гнев адмирала не ограничился. Достаточно сказать, что двадцать пять английских морских пехотинцев были отправлены на борт «Ноеры», двигатель парохода был выведен из строя, а само судно отбуксировано в Занзибар. Как впоследствии стало ясно, маршрут экспедиции был значительно изменен в результате этой меры. Через несколько недель было обнаружено, что товары, предназначенные для обмена с туземцами в стране масаев, так и не были пропущены в Ламу, и в течение следующих месяцев стало очевидным, что я никогда не получу новых товаров, из Занзибара, которые должен был доставить капитан-лейтенант Руст. Англичанам удалось довести до сведения общественности, что немецкая экспедиция «Эмин-паша» приобрела военный характер, который во всех отношениях отличался от характера обычных африканских путешествий. Но они не смогли помешать этому начинанию или даже существенно ослабить наши действия.

В дальнейшем я практически полностью устранился от борьбы с адмиралом Фримантлом. Для этой цели я командировал г-на Оскара Борчерта, который был должен действовать от моего имени. Он был вынужден отправиться в Занзибар, потому что я был настроен решительно защищаться от этого неуклюжего нарушения своих прав со стороны англичан. Там Борчерт в судебном порядке предъявил так называемый «иск Ноеры», который, насколько я выяснил, пробудил общий интерес во всей Восточной Африке. Только после завершения иска герр Борчерт смог возглавить вторую колонну экспедиции по реке Тана.

К этому первому удару, настигнутому меня в Хинди, вскоре добавилось болезненное сознание, что мне не удастся увеличить число носильщиков на территории Виту. Я опасался, что мне не удастся перенести грузы к Тане в одной колонне с теми носильщиками, которые у меня имелись. У людей суахили в Виту и Ламу нет предприимчивого духа, которым наделены вангана на немецком побережье Восточной Африки. Поэтому, почти не было желающих заработать, нанявшись носильщиками в караване, а немногие кандидаты, приходящие один за другим, были не лучшими представителями своих племен. Появились сомнительные типы, желающие получить плату за один-два месяца вперед, а затем убежать. Более того, я почти не встречал судебных разбирательств против таких мошенников в этих районах, поэтому они чувствуют себя безнаказанными. Наибольшее количество носильщиков, которых я когда-либо имел под моим контролем, составляло около девяноста человек; но обычно мы никогда не имели более семидесяти носильщиков. Поэтому я был более заинтересован в увеличении моей верблюжьей колонны дополненной покупкой ослов. Мне удалось довести мою колонну верблюдов до семнадцати голов и купить девять ослов. Таким образом, было ясно, что я не смогу перенести все мои нагрузки одной колонной к реке Тана. Я был вынужден разделить экспедицию на две колонны, вторую из которых я поставил под командование капитана-лейтенанта Д. Руста. Он должен был организовать лодочную экспедицию по реке Тана, и снова присоединиться к мне в Ода-Бору-Руве с оставленными грузами, и особенно ожидаемыми из Занзибара товарами для обмена с туземцами. Поскольку невозможно было пополнить караван новыми носильщиками среди суахили, теперь я надеялся на вапакомо или галла на Верхней Тане, где эта попытка может быть успешной, и где, во всяком случае, я должен быть в положении, когда до меня, наконец, дойдут товары из Занзибара, чтобы организовать караван из ослов до Экваториальной провинции. Это надежды поддерживали меня в Хинди и Виту.

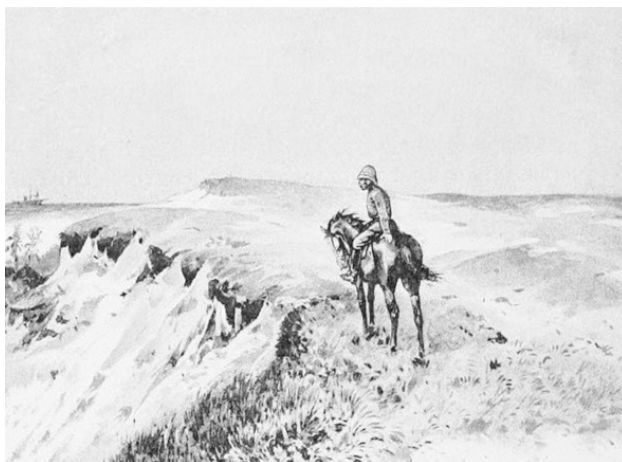
Из Ламу от господина Топпена нам было отправлено всего около тридцати тюков пороха, продуктов и тканей, все это были очень полезные вещи, только ни одна из них не имела значения для маршрута, который я выбрал через земли масаев, поскольку здесь ценятся только

а железо, медная проволока и бусы. В целом я подсчитал, что грузы, которые моя колонна должна перенести составляли около ста пятидесяти мест, и такое же количество оставалось с капитаном-лейтенантом Рустом, которые должны быть доставлены позже. Г-н фон Тидеманн должен был идти в моей колонне.

Помимо этих забот в Хинди, я с усердием о занялся дисциплиной и организацией моей очень беспорядочной колонны. Поскольку я был вынужден начать марш вглубь страны без каких-либо реальных товаров для обмена с туземцами на продукты питания, я не мог получать то, что другие путешественники получали, отдавая дань уважения товарами местным вождям; поэтому дисциплина моих людей и контроль за ними, стали самым важным залогом успеха этого начинания. Если я не смогу совершить поход обычным мирным способом, как я и надеялся, я должен буду реорганизовать нашу колонну в качестве военного отряда. Увеличение численности моего войска было невозможно, поэтому единственное средство повысить его боеспособность было исключительно в непоколебимой дисциплине. Чтобы достичь этого, я должен был обратить внимание главным образом на солдат-сомалийцев, с помощью которых, если я обучу их хорошо, смогу осуществить полную физическую власть над носильщиками, которые состояли, главным образом, из представителей племен Центральной Африки. Такие люди могут удерживаться под контролем только решительной и бескомпромиссной властью. Так называемые «бвана васари» (добрые начальники) не будут в критических обстоятельствах обладать влиянием на своих туземцев, необходимым для безопасного пути через враждебные территории. Начальник каравана должен быть «кали сана лакини ходари сана» (очень строгий, но очень справедливый). Сомалийцы обладают большой чувствительностью, и если ими правильно управляют, и их предрассудки и суеверия не пресекаются, они являют собой довольно послушную массу. Разумеется, с ними даже нельзя думать о том, чтобы управлять ими по принципу «присяги и чести». В ходе экспедиции я для своих сомалийцев даже ввел телесные наказания за тяжелые проступки.

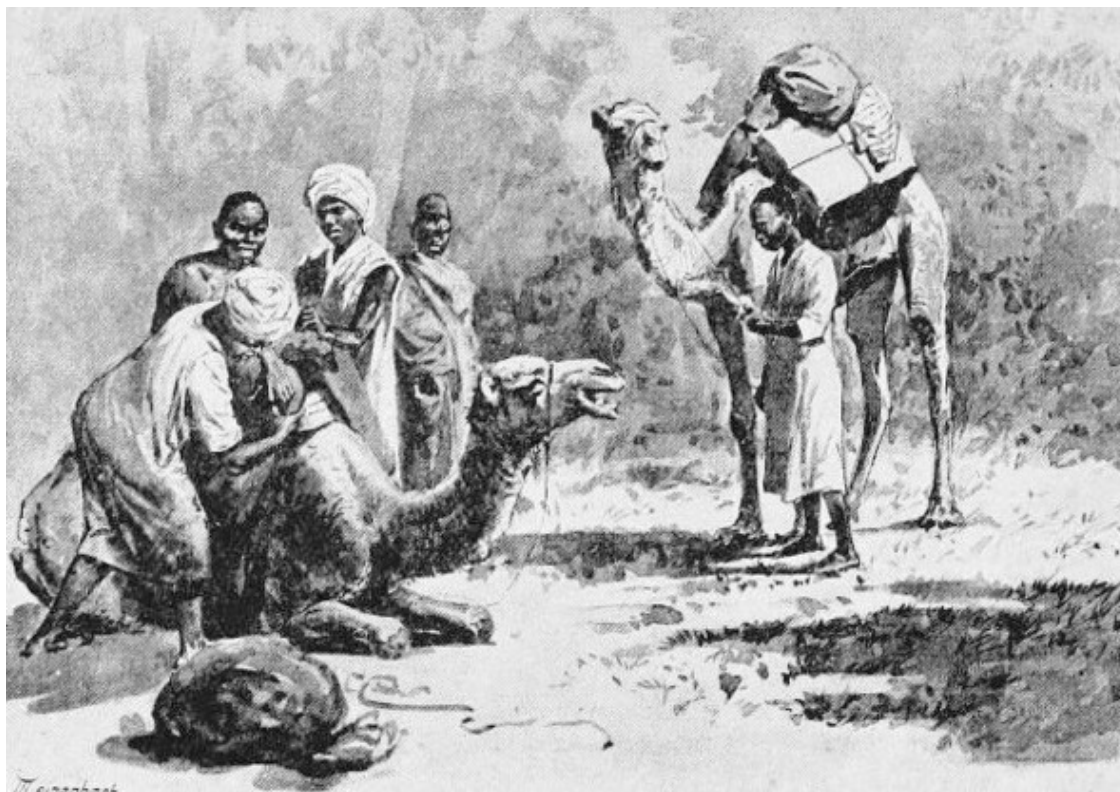
Затянувшийся дождливый сезон каждый день проливал на нас целые потоки воды; и солнце редко выходило из-за туч. В эти дни я заказал в Ламу для себя верховую лошадь, которая и была куплена. Теперь я часто выезжал на экскурсии в окрестностях Хинди. Единственно, я не мог сам появляться в Ламу, так как поездка на подконтрольную англичанам территорию могла закончиться для меня арестом.

Наконец, в среду 3 июля, я отправился из Хинди, получив за день до этого товары для туземного обмена из Ламу. Я хотел сначала возглавить свою колонну до Виту, а там ждать вторую колонну под начальством Руста, и первый переход не должен был превышать семи миль до места под названием Кибокони. Главное, у меня были верблюды и ослы. Как неуклюже работала вся наша команда, свидетельствует тот факт, что было уже десять часов утра, когда мы смогли тронуться в путь. В более поздний период экспедиции погрузка верблюдов и ослов всегда заканчивалась к шести часам утра. Все должно быть отработано заранее, особенно все должен предусмотреть сам лидер африканской экспедиции. То, что я все еще чему-то учился в этом отношении, было явным моим недочетом. Я допустил ошибку, отправившись во главе каравана вместо того, чтобы ждать и выйти из лагеря последним, особенно в тот день, когда я оставил капитана-лейтенанта Руста, лейтенанта фон Тидеманна и Фриденгальда следить за завершением погрузки и для надзора за носильщиками. Но, уже на следующий день я изменил этот порядок.

Поскольку моя лошадь несколько натерла спину седлом, я шагал пешком, и могу заявить, что я шел в прекрасном настроении. Передо мной был радующий глаз пейзаж полей пшеницы и кукурузы. Солнце светило, и все было замечательно.

Это радостное чувство, однако, значительно уменьшилось, когда я подумал о результатах этого первого дня. Некоторые из ослов потеряли плохо упакованные грузы; но наибольшая проблема была в полном отсутствии дисциплины среди носильщиков. Я прибыл в Кибокони в половине двенадцатого с верблюдами и небольшим количеством носильщиков, и немедленно приказал установить палатку, развести костер для приготовления пищи, а затем ждал господина фон Тидеманна и остальную часть каравана. Никто не пришел. Поскольку кукурузы для моих людей и вьючных животных в Кибокони не было, я сразу же отправил людей в селение Хидио, на расстоянии около двух миль, чтобы купить зерно. К двум часам в лагерь пришел герр Фридрих, владелец плантации, с предложением поставки кукурузы. Я сразу послал двух верблюдов, чтобы забрать зерно. В шесть часов, наконец, прибыл г-н фон Тидеманн и сообщил, что часть носильщиков сбежала. Таким образом, в Хинди остались двадцать тюков; а другая часть была в пути под контролем Фриденалея. Я сразу же приказал вернуть двух верблюдов в Хинди за оставленными грузами и решил на следующий день тщательно расследовать дезертирство носильщиков. На следующее утро г-ну фон Тидеманну пришлось вернуться в Хинди, и в полдень привезти оставшиеся грузы.

Загрузка верблюдов

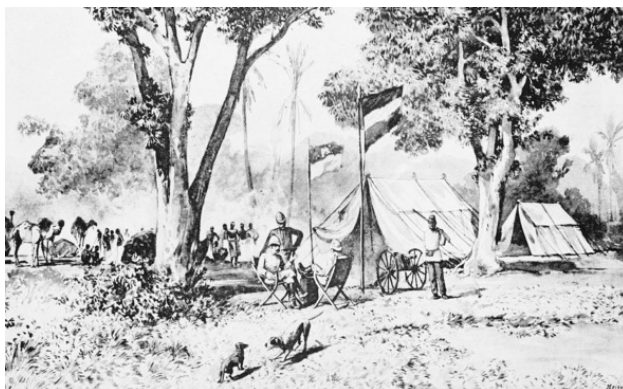
Теперь я посчитал наши грузовые места, а затем со списком в руке сделал переключку носильщиков и выяснил, что все носильщики были на месте. После этого, разделив грузы между верблюдами, осликами и носильщиками, в два часа я подал сигнал к тому, чтобы идти вперед в Мансамарабу. Опыт предыдущего дня заставил меня присутствовать на моем месте в тылу колонны, и я, соответственно, направил Фриденделя вперед с первыми грузами и несколькими солдатами. После выхода каравана из лагеря на земле осталось несколько тюков. Это означало, что либо несколько носильщиков сбежали, либо ушли в Кибокони без груза. Я вернул несколько ослов и нагрузил их дополнительным грузом, оставленным на земле.

Путь от Кибокони до Мансамарабу ведет через ручей, который не может быть форсирован вьючными животными. Путь в обход ручья занимает два часа, а по прямой дороге требуется только час или полтора. Послав носильщиков через ручей, я намеревался идти вместе с животными вокруг ручья. Не успели мы пройти и двух миль, как несколько поклаж на осликах рассыпались, и я должен был вернуться в Кибокони. Все это было очень обескураживающе. В пять часов я вернулся в брошенный нами лагерь и немедленно отправил письма Русту в Хинди и в Фриденделю в Мансамарабу с приказами проверить количество носильщиков и отправить всех, которые были, ко мне. Затем я снова собрал палатку и несколько часов ждал новостей от г-на фон Тидеманна. В одиннадцать часов из Мансамарабу прибыли восемнадцать носильщиков, которых я отправил обратно в ту же ночь с частью груза.

Пятница, 5 июля началась сильным дождем. Рано утром пришли от тридцати до сорока носильщиков, которые быстро унесли оставшиеся грузы. Таким образом, этим утром я смог отправить ослика только с четвертью обычной нагрузки, а в половине восьмого я сел на свою лошадь и быстро поехал по длинной дороге вокруг ручья в Мансамарабу. Туда я прибыл в десять часов, полностью промокшим, и сразу же произвел общий сбор.

Результат показал, что все носильщики присутствовали. Так как в предыдущий день в лагере с самого начала похода на земле было оставлено несколько тюков, это означало, что не все носильщики двинулись в поход с грузом. Несколько туземцев просто незамеченными

прошли параллельно маршруту и прибыли в следующий пункт налегке. Я заставил носильщиков выслушать речь, в которой сообщил, что я хороший начальник для хороших носильщиков, но суровый для плохих. Затем я выдал двойной рацион людям, которые носили груз прошлой ночью, и сумел вычислить носильщика, который 3 июля сбросил груз в поле кукурузы и вернулся в Хинди налегке. Я приказал заковать его в цепи и выпороть на виду у всех. Точно так же были наказаны несколько других носильщиков, в отношении которых были получены доказательства, что они пришли в последний лагерь без груза, оставив свои тюки в предыдущем лагере. Затем я объявил носильщикам о наказаниях, которые ожидают тех, кто попытается дезертировать или бросить по пути свой груз. Это сообщение, которое было подкреплено на месте несколькими порками, произвело определенное впечатление. Я завершил этот незабываемый урок распределением мяса убитого вола среди всех туземцев каравана.

Лагерь в Мансамарабу

В пять часов вечера я снова собрал людей. Ни одного человека не было потеряно. Я произнес еще одну короткую речь, в которой довел до туземцев следующее правило: «Каждое утро в половине пятого при звуке трубы каждый человек должен выйти к горнисту, и каждому будет выделен его груз. В 5.45 караван должен быть уже в пути в определенном порядке. По прибытии в лагерь каждый груз должен быть сдан, после чего будет произведена перекличка по списку. Каждый груз нумеруется, и каждый носильщик несет груз, отмеченный в списке против его имени».

Я подробно описал эти меры потому, что после их принятия с 5-го июля в караване установился необходимый порядок. Успех экспедиции в значительной мере зависел от поддержания этого порядка. Понадобилось некоторое время, прежде чем моя экспедиция привыкла к этому порядку.

Наш лагерь в Мансамарабу имел чрезвычайно живописный вид. Наши три палатки были установлены в великолепном парке под деревьями манго и баобабами. Перед моей палаткой, которая стояла в центре, развевался германский флаг, а немного левее был поднят красно-белый флаг султана Тумо Бакари (правителя султаната Виту). Под германским флагом была поставлена пушка, день и ночь охраняемая часовым. За палатками на зеленом поле паслись верблюды, ослы и моя арабская лошадь. Рядом были сложены грузы, охраняемые постом сомалийских солдат. Чуть дальше находились хижины, в которых обитали носильщики, во многих случаях с сопровождающими их молодыми женами, сильными, с развитыми фигурами, выгодно контрастирующими с женщинами-суахили, жительницами Виту.

В этот день герр Фридрих из Хинди снова был с нами и очень любезно поделился своим опытом нахождения в этой стране и описанием особенностей туземного населения. На следующее утро я был вынужден оставить в лагере господина фон Тидеманна, так как оказалось, что мы взяли восемь лишних ящиков с оружием и боеприпасами из лагеря Руста в Хинди,

для которых у нас не было носильщиков, чтобы нести их дальше. Но я с большим удовлетворением наблюдал, как последний носильщик в шесть часов утра покинул лагерь со своим грузом, через час за ним последовала наша пушка за тащившими ее двумя верблюдами. А еще через два часа лагерь покинул караван наших вьючных верблюдов и ослов. Я замыкал шествие верхом на лошади с двумя собаками. Наш путь проходил через плоскую равнину. Скоро я обогнал вереницу наших вьючных животных, которые были под надзором надежных сомалийцев, и это были единственные животные в пустынной саванне. Мои собаки скоро устали от постоянного рыскания в напрасных поисках дичи в открытом поле и бежали рысцой рядом с лошадью. Примерно в два часа я проехал мимо селения Пемба, где земля приняла вид возделанного поля, появились участки, засеянные кукурузой и пшеницей. Здесь я ненадолго спешился, чтобы дать моей лошади и собакам попить воды из ручья и спросить у жителей о наличии провизии в селении Фунга Сомбо (цели нашего сегодняшнего перехода). Получив необходимую информацию, я поехал дальше по следам колес нашей пушки. В 14.15 я миновал Массиватато («три озера»), а еще через пятнадцать минут меня радостными криками приветствовали мои носильщики, которые уже нашли себе жилища для постоа и встретили меня фруктами. Поскольку они сегодня выполнили свою работу, я заставил забить другого вола, и распределить мясо между ними.

Вечер прошел в подготовке к тяжелому походу следующего дня продолжительностью в семь или восемь часов, что стало первым реальным испытанием для тяжело нагруженного каравана. Мне удалось навербовать в селении несколько дополнительных носильщиков, и в воскресенье 7 июля в пять утра прозвучал горн. Сразу же после сигнала носильщики собрались вместе со своими грузами, которые они теперь отличали от грузов, для них не предназначенных. В 05.45 последний носильщик вышел с господином Фриденталем по дороге в селение Виту. В половине шестого верблюды и ослы ушли с последними пакетами. Я уже собирался сесть на свою лошадь, когда мне было объявлено, что пришли люди из деревни Конумби, которые хотели продать мне верблюда. Потребовалось полчаса, чтобы совершить сделку. Я написал длинное письмо г-ну фон Тидеманну, которому я отправил купленного верблюда, так что была уже половина седьмого, прежде чем я сам последовал за своим караваном. Через час я догнал ослов, и вскоре после этого верблюдов, которых опередил, зная, что они находились под надежной охраной. Я поехал еще вперед, и мрачная неприветливая местность окружила меня. На этот раз это была дикая природа. Султан Виту хорошо понимал, как полностью защитить свою страну от нападения. В Фунга Сомбо в 1855 году находились арабские передовые военные посты. Из этого места в Виту труднопроходимый путь в течение нескольких часов ведет через болота и лес. Уединение места подчеркивалось тем, что я не видел и не слышал ни одного, даже мелкого, дикого животного. Позже, в Фунга Сомбо мне рассказали, что в этом регионе изобиловали львы и леопарды, и всего за несколько дней до нашего прихода один человек среди бела дня был съеден львом. Но сейчас ни одно животное так и не появилось. Не было время для раздумий, и скоро я догнал моих носильщиков, а также мне было необходимо дать несколько новых указаний г-ну Фриденталю. Затем я поехал назад, чтобы лично провести верблюдов и ослов через болото, которое я до этого миновал. Мне пришлось вести через лес караван верблюдов и ослов в течение двух часов. Один верблюд упал в болото, и его нужно было разгрузить, вытащить, а затем снова нагрузить. Таким образом, было уже три часа дня, когда мы достигли равнины, на которой находилось селение Виту (столица одноименного султаната). Наш подход к этому месту был ознаменован появлением тридцати солдат султана, которые пришли приветствовать нас от имени их господина.

Примерно за милю от Виту меня встретил Шерифф Абдалла, довольно цивилизованный суахили, в сопровождении гетра Доерфера, германского представителя в султанате Виту, который также приветствовал меня. Я отправил караван вперед под начальством господина Фриденталя, а сам решил дождаться верблюдов, которые снова отстали. Но как только наши

вьючные животные появились на горизонте, я направился в гостеприимную долину Виту в компании с г-ном Доерфером. Здесь я нашел обширные запасы кукурузы, а все окрестности была покрыты кукурузными и пшеничными полями.

Сам Виту лежит на хребте небольших холмов и полностью окружен плотным лесом. Вход в селение обеспечивался двумя воротами, сильно укрепленными и с часовыми, охраняющими их круглосуточно. В Виту, возможно, три тысячи жителей; а число довольно цивилизованных суахили наталкивает на мысль, что путешественник попал в один из центров восточноафриканской жизни. Дворец султана значительно уступает по роскоши подобному в Занзибаре, но производит вполне удовлетворительное впечатление. Население представлено разнообразными африканскими типами: здесь среди многочисленных суахили живут галла и сомалийцы, а в толпе заметны странные головные уборы вабони и мускулистые тела вапокомо.

Примечание переводчика: Вапокомо – народ семейства банту в Кении, проживающий на узкой территории вдоль берегов реки Тана от устья до среднего течения. Вабони – малочисленный народ группы кушитов, проживает в Кении и Сомали

Я въехал в Виту среди огромной толпы и заметил, что наш флаг уже был поднят перед одним из домов и узнал, что султан предоставил нашим людям четыре дома и быка для обеспечения мясом. Я попросил г-на Доерфера сделать мне одолжение и сразу отправиться к султану Фумо Букари, чтобы сообщить о моем прибытии, поблагодарить его и объявить о своем намерении нанести ему визит завтра. Фумо Букари передал мне, что он рад моему приезду и выразил пожелание, чтобы я всегда обращался к нему по любому поводу и был готов предоставить мне помощь, какая мне понадобится, так как я был его гостем, и он будет рад принять меня завтра утром в девять часов. Когда я убедился, что мои люди разместились в домах, я прошел с г-ном Доерфером в его загородный дом, который находился примерно в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, чтобы найти место, где можно было бы разместить верблюдов и лошадь. Между тем, для меня и Фриденталя были установлены палатки на самой большой открытой площади. После того, как мы приняли ванну в доме г-на Доерфера, я вернулся в свои палатку, где мы собрались вместе в чрезвычайно хорошем настроении.

Султанат Виту, который я должен пересечь, главным образом, в направлении с севера на юг, является равнинной страной с довольно развитым сельским хозяйством. В северной части территория явно менее плодородна, чем в южной части, и не имеет такой пышной растительности, которая встречается в южных районах, как, например, в Усамбаре. Население, тем не менее, бедное. Только в нескольких местах я нашел обладателей крупных стад, которые могли быть оценены в сто тысяч рупий. Местные жители обычно худы и щедры, что может быть, главным образом, приписано к недостаточному питанию. Особенно заметным для людей из Занзибара является недоверие местных жителей к покупателям в процессе торговли. Когда я хочу купить какао-орехи или любую другую пустячную вещь, я должен сначала положить деньги на стол, и только затем моя покупка будет передана мне. Если я закажу любую работу ремесленнику, он потребует оплаты вперед. С другой стороны, туземец сам берет у европейцев все товары в кредит. Все это производит очень плохое впечатление. В целом я убежден, что производительный потенциал страны может быть значительно увеличен, если условия труда будут более благоприятными. Естественный равнинный характер страны, наличие морского побережья с заливами также создают благоприятные условия для развития транспорта. Если бы здесь были задействованы большие возможности капитала, можно было бы ожидать очень быстрого развития цивилизации. Однако Виту – не что иное, как всего лишь оазис в великой степи Восточной Африки, требующей еще гораздо больших усилий для улучшения условий жизни народов, ее населяющих.

В понедельник, 8 июля, я впервые встретился с правителем этой территории. Султан Фумо Букари назначил мне прием на девять утра. Я решил по этому поводу оказать ему честь, как принцу, признанному Германией. Поэтому я приказал своим солдатам выступить строем с германским знаменем и флагом султана. Высшие должностные лица двора, Шерифф Абдалла и главный офицер султанских войск Омар Хамади пришли со мной; последний носил униформу прусского артиллерийского офицера. Я одел двух моих слуг в богатые красные ливреи, вышитые серебром; они должны были следовать за мной, неся подарки для Фумо Букари: украшенный золотом арабский меч и две новых магазинных винтовки новейшей конструкции с тремя сотнями патронов. Меня сопровождали господа Доерфер и Фриденталь. Султан, со своей стороны, собрал около сорока солдат, чтобы принять нас, и приветствовал нас в окружении всего его двора. Его каменный дом, действительно, выглядел очень скромно; но аудиенция внешне существенно не отличалась от таковых у султана Занзибара.

Фумо Букари подошел к двери, чтобы встретить меня, и провел в кресло слева от его возвышенного трона. Стул, похожий на мой, справа от него, был занят наследником трона, братом султана. Сам Фумо Букари – человек лет сорока с добрым лицом. Он говорил на языке кисуахали, разговор велся, естественно, о целях экспедиции, которую султан обещал поддерживать, насколько мог. По моей просьбе он сразу же дал мне письменный приказ своим старейшинам способствовать переходу колонны Руста прямо в Виту. Он также заявил, что готов предоставить мне лодки для плавания по реке Тана.

Аудиенция длилась час, и в течение всего дня знатные жители этого места спешили друг за другом нанести нам визит. Некоторые из них были вполне цивилизованными и достойными людьми. В тот же вечер я приказал отправить верблюдов назад в Хинди, чтобы привезти колонну Руста в Виту.

На следующий день я с удовлетворением встретил г-на Тидеманна, который прибыл в Виту с багажом, который был ранее оставлен; так что мои колонны теперь воссоединились. Теперь я приложил все усилия, чтобы нанять как можно больше носильщиков; но вскоре стало очевидно, что нужное количество носильщиков в Виту получить не удастся, да и в смысле провизионной поддержки экспедиции страна была в любом направлении довольно скудной. Я заметил, насколько мало была изучена территория окрестностей Таны и всех окраинных районов Виту в целом. Страна напоминает остров, у которого нет связи с внешним миром. Сведения об окружающих территориях, которые я получил от нескольких галла и вапокомо в Виту, впоследствии оказались совершенно неточными и даже лживыми. В Виту стало совершенно ясно, что я должен искать другие пункты провизионной поддержки для выполнения экспедиции, возможно, на Верхней Тане или далее во внутренних районах, если я намерен достичь своей цели – Экваториальной провинции. Все это не обнадеживало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.